

монограмма

ЖЕНЕВЬЕВА ТАБУИ

*20 лет
дипломатической
борьбы*

ГРИФОН М

Женевьева Табуи
20 лет дипломатической борьбы
Серия «Монограмма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109407

Женевьева Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы: Грифон М; Москва; 2005
ISBN 5-98862-010-8

Аннотация

В книге, на документальной основе, освещаются события, предшествовавшие началу Второй мировой войны, свидетелем которых стала французская журналистка Женевьева Табуи. После присоединения Австрии к Германии сбылись её предсказания, что следующей жертвой Гитлера станет Чехословакия. В 1942 г., уже в США, она издает книгу «Они называли ее Кассандрой». После войны Ж. Табуи вернулась в Париж, в 1948 г. была награждена орденом Почетного Легиона. Книга в высшей степени интересна всем, кто занимается изучением истории Европы между двумя мировыми войнами, а также любознательным читателям всех возрастов.

Содержание

Предисловие современного издателя	5
Глава 1. Версальский договор	7
Глава 2. В Лиге Наций	13
Глава 3. Локарно... Локарно... Все прекрасно...	19
Глава 4. Веймарская республика вступает в Лигу Наций	27
Глава 5. Примо де Ривера принимает Лигу Наций в Мадриде	33
Глава 6. Соединенные Штаты Европы	38
Глава 7. Заседание Лиги Наций в королевском дворце в Гааге и Вестминстере. Конференция по репарациям и Морская конференция	43
Глава 8. Закат карьеры Бриана	50
Глава 9. Официальная поездка в Берлин	56
Глава 10. Смерть Аристида Бриана и конец разоружения	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Женевьева Табуи

Двадцать лет дипломатической борьбы

G. Tabouis

VINGT ANS DE "SUSPENSE" DIPLOMATIQUE

© Грифон М, 2005

© Игорь Борисович Северцев, оформление, 2005

* * *

Воспоминания французской журналистки из дипломатической среды Женевьевы Табуи (1892–1985) представляют огромный интерес для любого читателя, интересующегося историей XX века, века несбывшихся надежд и страшных потрясений. Эти мемуары словно пустотные следы древнего трилобита в толще окаменевшего известняка, следы живого, хотя уже давно не существующего...

Книга завораживает, не только из-за плотной информативности, но и за счет беллетризованного, легкого, остросюжетного изложения многих реалий тех лет, которое переплавляет оловянный язык исторических документов и алхимическим образом делает из них настоящее «золотое криминальное чтиво»...

Предисловие современного издателя

Воспоминания французской журналистки Женевьевы Табуи, родившейся в начале XX века и ставшей свидетелем невероятных страданий, которые принес этот век, представляются глубоким и отчетливым отпечатком времени, которое оказалось критическим для европейской цивилизации – периода созревания и развязывания Второй мировой войны. Это словно пустотные следы древнего трилобита в толще окаменевшего известняка – следы живого, хотя уже давно не существующего... Воспоминания Табуи крайне интересные, даже завораживающие, не только из-за плотной информативности, но и за счет беллетризованного, легкого, остросюжетного изложения многих реалий тех лет, которое переплавляет оловянный язык исторических документов и делает из них настоящее «золотое криминальное читиво»... Здесь все кипит, здесь жизнь во всех ее, увы, не вполне благопристойных проявлениях, тут бьет могучая струя истории, и, конечно, читатель многое сможет понять в национальном характере французов и их историческом взгляде на взаимоотношения Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатов и России (тогда СССР). Наверно, есть глубокий смысл в сентенции, что правду следует узнать только тогда, когда она уже осталась в далеком прошлом.

Дипломатический корреспондент ряда влиятельных французских и швейцарских газет, часто обсуждавшая с Марселем Розенбергом (представителем СССР при Лиге Наций) и хорошо понимавшая внутренние правила работы этой многоукладной организации, Женевьева Табуи многое знала и о многом догадывалась. Лига Наций была своего рода «первой неудачной заготовкой» для ООН, которая в наше время и на наших глазах тоже лишается содержательного смысла, как семьдесят лет назад это случилось с Лигой Наций. Женевьеве Табуи стали известны тайные пружины и рычаги противоборства мировых держав при первых попытках достигнуть согласия. Она сумела написать своего рода историю Мировой войны (а именно так некоторые историки сейчас называют весь период европейской истории XX века), подчеркивала важность союза Франции и России, разоблачала планы Германии начать – прикрываясь необходимостью борьбы с советской угрозой – войну за передел мира. В разгар боев за Мадрид во время гражданской войны в Испании Табуи опубликовала секретную переписку французских дипломатов, из которой вытекали доказательства итало-германского вмешательства в Испании.

Сегодня мы не только из книги Ж. Табуи, но и из художественных произведений М. Кундеры или мемуаров советского контрразведчика П. Судоплатова можем узнать о подоплеке глобальных переделов Европы, да и всего мира, которые происходили в XX веке. Но книга Табуи захватывает не только своей достоверностью, она в полном смысле слова есть такое отражение эпохи, где на отпечаток словно наложен слой особого фиксирующего лака – литературного мастерства, – с целью накрепко запечатлеть его... И воспринимая этот опыт, следует понимать, что тоталитаризм, который в течение почти всего XX века был основой российского общества, больше не способен выполнять организующую функцию. Милан Кундера в своем недавно вышедшем романе «Неведение» отмечает такой взгляд европейца середины XX века на происходящие события: «Какой бы чудовищной ни была фашистская диктатура, она исчезнет вместе со своим диктатором... Напротив, коммунизм... остается туннелем, из которого нет выхода. Диктаторы смертны, Россия вечна». Можно прокомментировать, что Россия уже не такова, какой она была в середине XX века. И Табуи была права, когда во время коротких визитов в Россию смогла увидеть и описать этот потенциал грядущего освобождения в российском народе.

Немало можно сказать и о даре предвидения Женевьевы Табуи. Будучи, по сути дела, разведчицей «под крышей» французской прессы, она способна была распознать через так

называемых посредников малейшие изменения в настроениях Гитлера или Муссолини, Чемберлена или Рузвельта. После аншлюса Австрии сбылись ее предсказания, что следующей жертвой Гитлера станет Чехословакия.

Накануне капитуляции Франции в середине июня 1940 г. Табуи из Бордо добирается до Лондона, а вскоре переезжает в Америку. В 1942 г. в США она издает свою книгу «Они называли ее Кассандрой». После войны Женестьева Табуи вернулась в Париж, в 1948 г. ее наградили орденом Почетного Легиона.

Заслуги Табуи действительно бесспорны в деле расследования войн – их зарождения и развязывания. К примеру, как Германии удалось навязать миру Вторую мировую войну? Война и мир – в изложении Женестьева Табуи этот вопрос не менее прост, чем в романе Льва Толстого.

В Лиге Наций еще в 1930-е годы целое «созвездие» миротворцев трудилось над разработкой принципов, гарантий коллективной безопасности. Неоднозначные, а порой и однозначно плачевные результаты этой деятельности мы видим воочию. Это все подробно и с горьким сарказмом изложено в книге. Женестьева Табуи действительно оказалась Кассандрой в том смысле, что предсказала не просто передел Европы, а ее перерождение и постепенный переход в новое качество. О верности этих прогнозов сегодня, через много лет после ее смерти, свидетельствуют современные события на всем огромном пространстве Евразии, где Россия пока не определилась со своей миссией.

Р. Огинский

Глава 1. Версальский договор

Свободное место. – Спутник победителей. – Бернард Шоу и договор. – Озаряющий свет человеческого разума. – В буфете театрального фойе. – Четверо грустных полномочных представителей. – Клемансо против Фоша. – Злословие элегантного «всего Парижа». – Приветствия Падеревского. – Клемансо, дамы и Средневековье. – Профессор Госсэ, морфий и сироп оршада. – Что же начинается? – Мейнар Кейнс и Ллойд Джордж, «скорее подписание, чем урегулирование». – Злопамятность Клемансо.

Версаль... 28 июня 1919 года... три часа пополудни.

В Зеркальном зале главы государств, президенты, главы правительств, послы, министры и маршалы двадцати шести стран занимают места на тесно сдвинутых в ряд золоченых стульях.

После четырех лет борьбы Первая мировая война окончена, Германия, наконец побежденная, собирается подписать мирный договор.

* * *

Внизу мраморной лестницы Андре Тардьё и Клемантель встречают Клемансо, который в своем черном сюртуке и серых перчатках вызывает бурную овацию.

Свойственным ему резким голосом он замечает: «Вообще-то, следовало бы постелить ковры на мраморной лестнице».

Он поднимается по ней, шагая через несколько ступеней. На площадке он пожимает руки солдатам – инвалидам войны, для которых он позаботился отвести место у окна, позади стола для подписания договора. «Вы страдали, – говорит он им, – вот ваша награда!»

* * *

В центре Зеркального зала сооружено небольшое возвышение. Великие мира сего и двадцать пять привилегированных дам смогут таким образом увидеть, как полномочные представители и делегаты поставят свои подписи под Версальским договором...

Клемансо садится в центре длинного стола, лицом к окнам. Справа от него – президент Соединенных Штатов Вильсон, слева – Ллойд Джордж. Место маршала Фоша остается свободным; он не одобряет договора, считая, что «последний не обеспечивает безопасности Франции».

Бьет три часа.

В зал входит очень бледный, в старом черном сюртуке, новый германский министр иностранных дел Герман Мюллер.

Вдруг появляется солнце. Оно освещает террасы и листву парка, оно отражается в зеркалах и всех ослепляет.

Вполголоса Клемансо говорит: «О солнце, спутник победителей! Солнце Аустерлица... Солнце Марны, останься нам верным! Согревай всегда наши сердца и древнюю землю Франции!»

Заведующий протокольным отделом приступает к поименному вызову немецких делегатов, а затем, в порядке очередности, всех делегаций, министры которых будут подписывать договор.

В три часа пятьдесят минут подписание договора полномочными представителями заканчивается. Раздается гром орудийных салютов в честь победы, и его раскаты усиливают слова Клемансо: «Господа, все подписи поставлены. Подписание условий мира между союзными и присоединившимися державами и Германской республикой свершилось. Карта освобожденного мира окончательно установлена. Заседание закрывается!»

* * *

После этого главы государств, министры, генералы, дипломаты направляются в парк. Клемансо отделяется от общего шествия, так как он желает пройтись вместе с Вильсоном и Ллойд Джорджем.

Охваченная энтузиазмом толпа приветствует трио. Союз этих трех людей представляется ей надежным залогом мирного и цветущего будущего.

И тем не менее!

18 января 1919 года президент Французской республики Пуанкаре, торжественно открывая в отеле «Крийон» работу Мирной конференции, сказал: «Господа, ровно сорок восемь лет назад в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы разрушить и заменить то, что было создано в тот день».

Глядя на проходящее мимо трио, Бернард Шоу, всегда полный сарказма, произносит: «Пять месяцев переговоров слишком похожи на историю о “десяти маленьких туземцах”, которые в результате различных приключений исчезают один за другим, пока наконец десятый не остается один! Разве мы не видели, как сначала заседал Совет десяти, затем Верховный Совет пяти, затем Совет четырех и наконец Совет трех, тех самых, кому толпа сейчас аплодирует. Они и есть строители новой Европы».

Весь Париж знает, что именно президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон постоянно брал верх над Клемансо и Ллойд Джорджем! Всем известно, что Вильсон не очень хорошо знает Европу, но что он считает себя посланником Бога, которому предназначено принести человечеству новый порядок; всем известно, что Вильсон прежде всего потребовал создания Лиги Наций, повторяя при этом:

«Лига Наций должна действовать как организованная моральная сила людей всего мира, чтобы озаряющий свет человеческого разума, сконцентрировавшись, выступил против всякого несправедливого акта или любой преднамеренной агрессии и чтобы великий голос человечества строго спросил: “Какие намерения питаете вы в вашем сердце против мира и спокойствия народов?”»

Благодаря энергичному вмешательству муниципальных гвардейцев удается отделить «трио» от участников конференции и гостей, которые медленно направляются в фойе театра.

Престарелый председатель сената Леон Буржуа, один из участников подготовки договора, в который раз рассказывает элегантному председателю палаты депутатов Поллю Дешанелю о знаменитом заседании конференции 8 марта:

«Президент Вильсон, положив руку на Библию, прочитал нам Устав Лиги Наций под аплодисменты, довольно сдержанные, одного Клемансо. Но сенат в Вашингтоне не хочет быть втянутым в войну. Вот почему Вильсон опустил в тексте договора все, что могло бы повлечь за собой автоматическую военную помощь государству, подвергнутому несправедливому нападению. Бельгия и Франция получают достаточно времени для того, чтобы под-

вергнуться удушению, прежде чем будет принято только лишь решение о вступлении в действие Лиги Наций».

И в заключение мрачно настроенный Леон Буржуа добавляет: «Подумать только, что за три дня до этого я сам предложил снабдить Лигу Наций средствами, способными заставить уважать ее решения... армией. Но президент Вильсон настоял на отклонении моего предложения».

* * *

Все толпятся в буфете театрального фойе. Отовсюду слышны лишь критические замечания.

Четырех из пяти французских полномочных представителей по заключению мирного договора (министра иностранных дел Пишона, министра финансов Клотца, бывшего французского посла в Берлине Жюль Камбона и Андре Тардьё) безжалостно засыпают градом вопросов.

Только одни из четырех, Андре Тардьё, жестикулируя мундштуком, сияет от удовольствия. Он расхваливает договор: «Мы перекроили Европу согласно концепциям права и справедливости, – говорит он. – Мы создали новые страны. Польша и Чехословакия вновь обрели свою независимость. Можно, конечно, критиковать Версальский договор, но кто смог бы сделать лучше?»

С грустным видом посол Жюль Камбон отвечает: «Да, но не забывайте, что третьего марта в Вашингтоне сенатор Лодж увлек за собой тридцать восемь из шестидесяти своих коллег, которые вместе с ним проголосовали против какого бы то ни было участия Америки в организации мира и Лиге Наций, и что десятого июля этого года американский сенат, не заботясь об обязательствах, принятых сегодня, проголосует за возвращение Америки к политике изоляционизма».

Министр иностранных дел Стефан Пишон, которому непрерывно задают вопросы, признается: «К пятнадцатому марта Вильсону и Ллойд Джорджу удалось убедить Клемансо отказаться от требования французов обосноваться на Рейне. С тех пор маршал Фош все время выступает против договора. “Если нам не будет предоставлена эта военная граница, – неоднократно повторял он, – то Франция и Бельгия останутся открытыми для вторжения и нас снова ожидает разгром...”»

Самые ответственные чиновники различных министерств все еще потрясены следующим фактом.

Отказ от постоянной оккупации французами Рейна показался президенту республики Пуанкаре настолько серьезной ошибкой, что он решил подать в отставку. 28 апреля он направил Клемансо пространное письмо, дабы предупредить его, что, согласно полученной им информации, «Англия и Америка практически никогда не окажут Франции поддержки в применении договора».

Окруженный толпой со всех сторон, генерал Вейган, страстно и ясно излагающий свои мысли, отвечает каждому и рассказывает, что на заседании Совета министров, предшествовавшем пленарному заседанию конференции 6 мая (на котором делегатам двадцати шести стран был роздан текст договора), маршал Фош потребовал, чтобы в последний раз были изложены причины, в силу которых договор не может считаться обеспечивающим Франции необходимых гарантий ее безопасности. Маршал настаивал на том, чтобы Верховный совет пересмотрел свои решения.

Клемансо был взбешен. Он ответил Фошу:

«Поскольку маршал не входит в состав Совета министров, ему остается только удалиться. Министры обсудят этот вопрос между собой».

После этого наступило время вечернего чаепития. Атмосфера была удручающая. Затем четверо встречаются вновь. И после окончания заседания Клемансо ограничивается тем, что говорит Фошу: «Ответа не будет. Членам Верховного совета надлежит “рассматривать”, а не “доказывать”».

* * *

К счастью, пересуды элегантно «всего Парижа» меняют атмосферу. Принцесса Фосиньи-Люсэнж, маркиза д'Орнано, графиня д'Оссонвиль почти сожалеют о подписании договора! Конец головокружительному ритму приемов!

Конец обедам у лорда Бальфура, куда привозили Сару Бернар, лишившуюся недавно ноги после ампутации... Конец вечерним представлениям в опере, где президент Польской республики Падеревский вызывал сенсацию, появляясь в президентской ложе и приветствуя широким театральным жестом зрителей, которые вставали и от восторга топали ногами, в то время как присутствовавшие в зале англичане ворчали: «О чем думают эти поляки, прислав пианиста в качестве полномочного представителя!»

Цвет мужской части «всего Парижа» – герцог де Монморанси, барон Гурго и герцог де Шуазель – подтрунивают над неудачами старой мадам де Витт-Шлюмбергер в ее крестовом походе за право голоса для женщин. «Президент Вильсон нередко любезно разговаривал с ней, – иронизируют они, – но Клемансо всегда плохо принимал ее. Как только дверь закрывалась за ней, “Тигр” рычал: “Если бы мы были в протестантской стране, я дал бы им их право голоса, но в стране католической я этого не сделаю... я не хочу возвращаться к средневековью”».

У Бриана феминистки будут иметь не большой успех! «Если бы я предоставил им право голоса, – ворчал Аристид (Бриан П. – Примеч. ред.), – то мне все-таки пришлось бы поцеловать некоторых из них... а они всегда так уродливы!»

* * *

Некоторые вспоминают критические замечания по адресу договора, на которые не скупилась парламентарии.

«Проблема европейского равновесия и в самом деле, кажется, ускользнула от участников переговоров», – говорил Шарль Бенуа в кулуарах Бурбонского дворца Морису Барресу, который, в свою очередь, заметил: «Подумайте, что если когда-нибудь Австрия присоединится к Веймарской республике, то тем самым с избытком будут компенсированы для Германии территориальные потери, понесенные ею: Эльзас-Лотарингия и польские земли!»

А академик-историк Жорж Гуано в заключение говорил: «Следовало бы послушать Жюля Камбона и обязать входящие в состав имперской Германии государства, каждое в отдельности, подписать мирный договор. Подписание мира одной только Веймарской республикой не возлагает ответственности на все государства».

Воцаряется молчание, ибо каждый вспоминает, что Клемансо ответил Жюлю Камбону: «Никогда в жизни, никогда нам не оплатят наших потерь. А вы, вы – упорный сторонник старых предрассудков, вы хороши лишь для дипломатии времен Реставрации или даже Людовика XIV».

«Но в сущности, – добавляет Гуайо, – расчленив надо было именно Германию, а не Австрию!»

* * *

Некоторые, относящиеся к договору более терпимо, вспоминают о покушении на Клемансо 19 февраля 1919 года, вследствие чего поневоле серьезно замедлилась работа конференции. Жорж Мандель рассказывает: «Хирургам, лечившим премьер-министра Клемансо, не всегда приходилось сладко».

– Итак, дорогой премьер-министр, что же произошло? – сказал, входя, хирург Госсэ.

– Произошло то, что у меня в спине пуля и ее надо оттуда извлечь!

– Одну минуту, сначала я должен вас выслушать!

Клемансо с нетерпением ожидает конца осмотра.

– А теперь поторопитесь извлечь ее!

– Ни за что на свете, – говорит Госсэ.

– Вы не хотите ее извлечь?

– Нет.

– Я вам приказываю извлечь эту пулю!

– Я ее не извлеку.

– Госсэ, вы каналья!..

– Очень может быть, что я и каналья... но я ее не извлеку! И кроме того, сохранив в себе эту пулю, вы увеличите вашу популярность!

Клемансо смотрит на него, пожимает плечами и восклицает:

– Уф... уф... Что такое популярность? Это всего лишь сироп оршада!

– Господин премьер-министр, вам нужно принять морфий.

– Морфий? Морфий? – кричит Клемансо. – Вы хотите, чтобы я немедленно околел? Уж не подкуплены ли вы большевиками?

* * *

На залитый огнями Париж опускается вечер 28 июня 1919 года.

Среди огромного количества народа, среди шума и взрывов осветительных ракет идут одно за другим факельные шествия к площади Согласия, по бульварам и к статуе Бельфорского льва. Ярко освещенные памятники отражаются в Сене.

Незнакомые люди обращаются друг к другу!

С балкона театра Оперы мадемуазель Демужо поет «Марсельезу». С Эйфелевой башни летят в небо и на Париж огромные вращающиеся снопы лучей трех национальных цветов.

Повсюду песни, танцы, шествия, балы!!!

Выходя поздно вечером из министерства иностранных дел, несколько дипломатов во фраках и цилиндрах медленно спускаются по широкой лестнице.

Прощаясь, они приходят к общему выводу: «Германия сумеет использовать франко-английские разногласия, которые отчетливо проявляются во всех статьях договора. В особенности она постарается использовать противоречия между Версальским договором и Уставом Лиги Наций. Действительно, добавляет Морис Палеолог (тот стремительный посол, о котором Клемансо еще накануне говорил: «Это какое-то животное. Когда я его слушаю, я всегда бываю оглушен, но никогда ничего не понимаю!»), Устав предусматривает пересмотр договора. Версальский договор не допускает никакого пересмотра. Устав Лиги Наций отвергает систему союзов и навязывает систему «коллективных пактов»; Версальский договор укрепляет военные союзы и исключает из коллективных пактов бывшие вражеские державы. Эти прискорбные противоречия могут привести нас, как с той, так и с другой стороны, лишь к самым страшным безумиям!»

У решетки здания на Кэ д'Орсэ швейцар спрашивает: «Итак, господин посол, все-таки это победа?» – «Да, – отвечает Жюль Камбон, – это победа! Весь мир считает, что все кончилось... но я – я задаю себе вопрос: что же начинается?»

* * *

Уходя из посольства Англии на улице Фобур Сент-Онорэ, английский экономист Мейнар Кейнс, прощаясь с Ллойд Джорджем, говорит ему: «Если я правильно понимаю, создатели мирного договора добились скорее подписания, чем урегулирования».

На улице Сен-Доминик, в полумраке своего кабинета, Клемансо (вернувшись с вокзала Сен-Лазар, где он провожал президента Вильсона) принимает поздравления своих ближайших сотрудников.

«То, что я сделал для мира, это пустяки, – говорит он Тардые. – То, что я еще сделаю, прежде чем умру, также будет незначительно. Все предстоит сделать моим преемникам, так как этот договор является непрерывным становлением, если только он не будет полным провалом!»

Перед Жоржем Манделем он даст волю своей злобе на Ллойд Джорджа: «Я не прощу ему, что второго июня он еще угрожал мне снять свою подпись под условиями мира, если я не буду в значительно большей мере принимать во внимание немецкие контрпредложения!»

После наступившего молчания Жорж Мандель напоминает ему: «Господин премьер-министр, а ваша завтрашняя речь в парламенте о договоре... Когда вы будете готовить ее? Страна ждет ее!»

Отпустив всех, «Тигр» садится за свой письменный стол. Он пишет: «Господа, отныне Франция и ее союзники выполнили миссию спасения человечества. Настал день, когда сила и право, до сих пор опасным образом разъединенные, должны объединиться, дабы обеспечить мир для народов, занятых своим трудом. Пусть человечество воспрянет, чтобы жить полной жизнью!»

Глава 2. В Лиге Наций

Прекрасная эпоха Протокола. – «Создание мира требует больше мужества, чем война». – Женевский кавардак. – Вечера в «Отель де Берг». – Фермеры Бриан и Лушер. – Лебеди с острова Жан-Жака Руссо. – Суждение Политиса.

А время идет...

17 июня 1924 года в палате депутатов председатель Совета министров Эдуард Эррио, победивший на выборах 11 мая, выступает с министерской декларацией.

Эдуард Эррио обещает отказаться от политики силы и проводить политику сотрудничества с Германией на базе соглашения с Англией.

В Лондоне лейбористы только что пришли к власти.

В Берлине – заседание рейхстага. Канцлер Густав Штресеман заявляет: «Германия должна играть картой примирения с Францией...»

Лондон, 16 августа. Эррио, Болдуин и Макдональд обсуждают «план Дауэса», который должен урегулировать вопрос об уплате репараций. Все трое согласны с основными идеями нового плана всеобщей безопасности.

Приверженцы старой дипломатии, как всегда желчные, заявляют: «Повсюду наша страна безуспешно пытается обеспечить свою безопасность путем заключения специального соглашения с Англией, но политика Пуанкаре подвергла Антанту слишком тяжелому испытанию».

Они добавляют: «Что касается Лиги Наций, то она предлагает как для Англии, так и для Франции некую систему всемирного правительства. Но, кроме этого, нужно еще, чтобы Париж и Лондон имели намерение использовать эту организацию в одинаковых целях. Но вспомните, – заключают они, – что для Пуанкаре Лига Наций – это орган, который должен следить за выполнением договоров, это инструмент французской безопасности, тогда как для Макдональда Лига Наций – это организация примирения и инструмент для мирного пересмотра договоров».

Тем не менее Эдуард Эррио, на основании идей, с которыми согласились Болдуин и Макдональд, выработал «протокол о мирном урегулировании международных конфликтов».

На этих днях он предложит его Ассамблее Лиги Наций. Он полагает, что «это будет историческим событием, которое изменит к лучшему международное положение и обеспечит наконец безопасность Франции».

И в печати, перечисляя вкратце неудачи Франции, следовавшие одна за другой в течение пяти лет на различных конференциях в Вашингтоне, Генуе, Спа, Булони и Каннах, пишут: «Вот наконец первый счастливый поворот в международной политике с момента подписания Версальского договора».

* * *

Первое сентября 1924 года. На Женевском вокзале дипломаты и делегаты сорока восьми стран с боем берут автобусы гостиниц и такси.

«Это как в Довиле¹ в разгар сезона», – говорит Ага Хан. «Нет, Ваше высочество, это Женева, ставшая столицей вселенной», – отвечает президент Гельветической² республики, пришедший встречать высокопоставленных делегатов.

¹ Довиль – приморское местечко во французском департаменте Кальвадос. – Здесь и далее примечания редактора.

Владельцы женеvских гостиниц становятся господами положения. «Министры, и те вынуждены довольствоваться комнатами для курьеров», – отвечают они даже самым ответственным членам французской делегации.

Испокон веков французская делегация избирала своим местопребыванием гостиницу «Отель де Берг» на набережной Роны.

В холле этой гостиницы сегодня утром столько же высокопоставленных лиц, как и на Венском конгрессе! Приветственные возгласы: «Да здравствует Эррио!» И тотчас же молодой председатель Совета министров Франции, в черном сюртуке, со шляпой в руке, улыбаясь, заявляет первому делегату Бельгии барону Тенису, на котором серый жилет и лакированные ботинки:

«Учитывая провал пактов ограниченной безопасности, я ставлю своей целью создание пакта всеобщей безопасности. Протокол дает возможность даже какому-либо одному государству, подвергшемуся несправедливому нападению, рассчитывать на мобилизацию сил всех других государств, входящих в Лигу Наций».

Внешняя политика нового председателя Совета министров отличается большим великодушием.

«Оставить Россию вне концерта европейских держав – это значит все больше толкать ее на союз с Германией, – говорит мне Эррио. – 28 октября я подпишу соглашение о восстановлении отношений между Парижем и Москвой. Это будет конец политики “колючей проволоки”».

* * *

Ассамблея Лиги Наций заседает в одном из религиозных концертных залов – в зале Реформации гостиницы «Виктория».

В его до смешного малых служебных помещениях теснятся все выдающиеся деятели сорока восьми государств.

Какой-то динамический энтузиазм исходит в этот день от собрания представителей всего мира!

И в самом деле, существует общая вера в создание международной системы, которая обеспечит поддержание мира по крайней мере на долгие годы.

Какая пестрая толпа! Направо индийский магараджа с воинственно торчащими усами расхаживает в голубом тюрбане с султаном и в черном сюртуке. Налево – персидский князь, у которого косящий глаз и опущенные книзу усы. Его как бы подталкивает целый клан чернокожих людей в широких накидках. Это абиссинские феодалы, которые следуют за своим повелителем Албаволо.

Очаровательная женщина в зеленом платье, Руфь Морган, председатель Союза американских избирательниц, говорит: «Это в моем доме было написано письмо, которое подписали полтора миллиона человек и в котором выражено наше желание добиться разоружения». Она добавляет: «Совместно с Институтом Карнеги я провожу изыскания с целью установления принципов совершенной системы международного воспитания детей, и я требую, чтобы начали со всеобщего обмена куклами!»

Преподаватель американского университета Шотуэлл высказывается за то, чтобы объявить войну вне закона.

Поверенный в делах Китая Тан Цзе-фу говорит своим мягким голосом: «Китай уже три тысячи лет требует арбитража. В настоящее время мы испытываем доверие к Лиге Наций».

² Швейцария в период войн Французской революции конца XVIII века и Наполеона I называлась Гельветической республикой.

Сюда, конечно, понаехали из всех стран люди, одержимые какими-нибудь навязчивыми идеями, имеющие свой любимый «конек».

Эмиль Дюфрэ, преподаватель французского языка в Сен-Годенсе, который уже два десятка лет мечтает о создании «международного общества по охране соловьев», также находится здесь. А по обе стороны от него – два вождя племени сиу³ в парадной форме, рассчитывающие, что Лига Наций возвратит им Америку!

Бывшие побежденные образуют группу в одном из углов зала. Среди них выделяется затянутый в сюртук в стиле Франца-Иосифа первый делегат Венгрии – восьмидесятилетний граф Аппоньи с белой бородой и ушами фавна. Он слышит, как кто-то говорит о «незыблемости договоров», и, возмущившись, заявляет: «Нет ничего незыблемого! Я видел рождение французской империи, германской империи и австрийской, и я видел, как они исчезали. Как же после этого не относиться скептически к продолжительности государственных институтов, созданных людьми?»

Тишина! Английская делегация проходит через зал. Во главе ее Макдональд с его роскошной седой шевелюрой, за ним следует совсем маленький лорд Пармур, большой специалист по вопросам морали.

Теперь появляется краснолицый маленький Кинонес де Леон, личный друг Альфонса XIII и глава испанской делегации.

Затем входит красивый мужчина высокого роста, с благородной гордой осанкой, с пресыщенным и презрительным видом – министр иностранных дел Польши Александр Скржинский. «Польша, господа министры, Польша!» – повторяет он.

Вот гордые, как Артабан,⁴ великие победители последней войны – маленький чех Эдуард Бенеш, высокий румын Титулеску, югослав Маринкович, за которыми следуют делегаты Южной Америки – красивый бразилец Фернандес и представители всех латиноамериканских республик.

Общее движение любопытства. Входит французская делегация. Во главе ее Эдуард Эррио, в черном сюртуке, взволнованный и счастливый. За ним Аристид Бриан, которого в Женеве еще никто не знает, экономист Лушер, Анри де Жувенель, Леон Буржуа, Жорж Боннэ.

Еще одна делегация – делегация империи восходящего солнца! Виконт Исии, сопровождаемый своим министром иностранных дел Адати, очень спешит и с трудом протискивается в зал, где, начиная с партера и до галерки, так же как и на балконе для прессы, сплошная давка.

Подлинный энтузиазм!

Да здравствует Эррио!.. Да здравствует Макдональд!..

Делегат Греции юрист Николай Политис ликует:

– Вот наконец требуемая Вильсоном открытая дипломатия! – восклицает он. – Главы двух великих европейских держав прибыли для открытого урегулирования международных вопросов!

* * *

Не обращая внимания на пюпитр и микрофоны, Эррио, не имея в руках никаких записей, выходит на край эстрады.

³ Племя индейцев, проживающее в Северной Америке, в штате Айова.

⁴ Артабан – герой романа де Ля Кальпренеда «Клеопатра», полный гордости характер которого вошел в поговорку – горд, как Артабан.

– Создание мира, – восклицает он, – требует больше мужества, чем война. Франция предлагает вам для общего дела все, что она имеет разумного, сердечного, страстного, светлого и весь свой опыт, оплаченный ею веками испытаний; она знает, что значит иметь непрочные границы. Ни в чем не повинная вчера – да, не повинная, я клянусь в этом, – с еще не зажившими ранами сегодня, Франция протягивает всем вашим странам свою братскую руку. Несмотря на свои страдания, она хотела бы знать о несчастьях всех народов мира, чтобы помочь облегчить их. Полная печали перед своими собственными руинами, она была бы рада, если бы увидела, как на огромных развалинах войны благодаря нашим совместным усилиям вырастает этот божественный цветок – мир!

И его Протокол о мирном урегулировании международных конфликтов, в основе которого лежат три принципа – арбитраж, безопасность и разоружение, – одобряется бурными аплодисментами.

* * *

Макдональд сменяет Эррио на трибуне. Он пользуется и попитром, и микрофоном. Глядя на аудиторию поверх своих очков, он наставительно проповедует.

Но в этом порыве библейского великодушия он поясняет: «Что же касается Англии, то она полагает, что взаимная помощь могла бы быть с выгодой заменена разоружением. Разоружение с неизбежностью вызвало бы к жизни безопасность, а отсюда само собой вытекала бы необходимость арбитража».

Тем не менее 2 октября 1924 года сорок восемь делегатов единодушно проголосовали за принятие французского Протокола, согласно которому арбитраж между народами логически должен был порождать безопасность, что, в свою очередь, создавало бы возможность для разоружения.

Подлинный поток энтузиазма, казалось, увлек сорок восемь руководителей государств на тропу мира!

* * *

Каждый вечер около десяти часов в зеленом салоне «Отель де Берг» начиналось то, что вскоре весь мир стал называть «жневскими вечерами».

Один за другим здесь появлялись Эррио, Анна де Ноайль, румынская делегатка Елена Вакареску, Политис, Поль Валери, историк Ферреро, Титулеску, Бенеш и другие.

Эррио рассказывает о своей жизни в Латинском квартале, когда он одолжил пять франков Верлену на его сентиментальные приключения; потом говорит о Наполеоне, которым он восторгается: «У меня есть наброски театральной пьесы в стиле Бернарда Шоу... Наполеон бежит с острова Святой Елены и поселяется в Америке!!!»

Анна де Ноайль, которая всегда говорит о любви, задает вопрос: «Какое из любовных писем, по вашему мнению, является самым прекрасным?»

Поль Валери считает таковым письмо португальской монахини. Эррио отдает предпочтение письму мадемуазель де Лепинас. Ученый Политис напоминает об Аспазии. Елена Вакареску, поэтесса и румынская делегатка, безутешная невеста короля Румынии, со своим неподражаемым акцентом восклицает: «Для меня существует одно-единственное настоящее любовное письмо, самое короткое, состоящее из одного слова: “Приди!”»

К двум часам ночи бармен «Отель де Берг» итальянец Карло Бельтрамо, который слушает Эррио с разинутым ртом, предлагает свои последние изобретения: коктейль «Лига Наций», напиток «Протокол» и оранжад «Арбитраж».

С гордостью он передает Эррио маленькую, только что им написанную брошюру, которой он явно весьма доволен: «Эликсир богов, Женева – столица наций».

В ней написано: «Знайте, о делегаты, что сама жизнь представляет собой коктейль, рецепт которого нам суждено менять до бесконечности: пять десятых любви, три десятых иллюзий, две десятых наплевательского отношения. Достаточно хорошее определение. С возрастом надо сильно увеличить дозу наплевательского отношения за счет иллюзий и любви. Следует обратить внимание на то, что самое горькое не кажется неприятным в хорошо приготовленной смеси. Все в мире оплачивается, и нельзя быть уверенным, что сам Бог, властитель времени, не будет вынужден регулировать распределение столетий!»

И делегаты спешат приобрести эту маленькую брошюрку, чтобы сохранить ее на память.

Долго еще не смолкает смех.

Звонит телефон. Эррио берет трубку, затем сообщает: «В Париже левое большинство с воодушевлением встретило мою речь и Протокол. Но Пуанкаре и правые не одобряют их!»

На следующий день Эррио покидает Женеву.

* * *

Несколько раз в неделю под сводами беседки маленького ресторанчика «Шалэ дю лак» Бриан завтракает с Лушером. «Пара неразлучных», – так говорят о них жители Жeneвы.

Сгорбленный, с взлохмаченными волосами, Бриан грустно усмехается. Его черный, плохо скроенный пиджак слишком мал для него и подтверждает слова Анны де Ноайль, которая, видя Бриана в кулуарах «Отель де Берг», всегда говорит: «Если бы это не был министр, я бы сказала, что это налетчик!»

У Луи Лушера большая круглая лысая голова и живые глаза. Он уже пятнадцать раз был министром, и именно он подписывал первый франко-германский торговый договор.

Сейчас, в начале сентября 1924 года, Лушер хочет получить от Бриана обещание дать ему портфель министра финансов в своем будущем кабинете.

Насмешник Бриан, который знает страсть Лушера к старинным книгам, отвечает ему в том же духе:

– Хорошо, я согласен, но при условии, что вы мне найдете какое-нибудь любовное письмо Кальвина.

Чувствуя, что его друг начинает соглашаться, Лушер, смеясь, спрашивает:

– Должно ли это письмо носить ярко выраженный любовный характер?

И снисходительно великодушный Бриан успокаивает Лушера:

– Нет, достаточно того, чтобы оно имело лишь любовный оттенок!

(Через несколько месяцев, став председателем Совета министров, Бриан сдержит свое слово.)

Будучи оба крупными земельными собственниками, они уделяют много внимания своим фермам. Оба любят поспорить о своих телятах и об увеличении поголовья своих коров!

– За сколько вы продали последний раз своих коров? – наступая, спрашивает Бриан.

Лушер вынужден констатировать, что он продал своих коров дешевле, чем Бриан. Но зато он расхваливает только что примененный им способ увеличения яйценоскости своих кур вдвое!

– В своем курятнике в Марли я велел устроить искусственное освещение. Таким образом, мои петухи и куры встречают восход солнца в любое время дня. И результат: куры несут яиц в два, часто в три и даже в четыре раза больше!.. Ну что вы об этом скажете, Бриан? Конечно, на ваших нормандских фермах в Кошреле нет ничего подобного!

Бриан отвечает:

– Да, да... но подумали ли вы о том, что, выполняя в три или четыре раза больше работы, ваши петухи и куры подохнут в три или четыре раза быстрее? А если учесть стоимость петухов и кур, то скорее выгадываю я, давая им возможность спать в Кошреле.

Лушер с самым серьезным видом пометает в своей записной книжке: «Изучить вопрос о себестоимости петухов и кур».

Каждый вечер Бриан и Лушер вместе прогуливаются по набережной Роны перед гостиницей «Отель де Берг». Бриан облакачивается на парапет напротив острова Жан-Жака Руссо. Для лебедей и уток, обитателей озера, построены на острове маленькие домики.

Драки, которые всегда начинает большой лебедь, отнимающий у маленьких уток кусочек хлеба, брошенный им Брианом, приводят последнего в восхищение.

– У людей и у животных, – восклицает он, – одни и те же нравы! Всегда все гонятся за куском хлеба! Но посмотрите на этих маленьких уток, которые все объединились против большого лебеда и в конце концов одолели его! Это утешительно для будущего малых стран в Лиге Наций!

Лушер пристально смотрит на бегущие воды Роны. Он объясняет Бриану, какую движущую силу для промышленности можно было бы извлечь из этой реки. Бриан, предавшись мечтам, бормочет: «Ах, старая Рона, ты видишь, они, конечно, кончат тем, что и тебя заставят работать! Но я – я сильнее тебя, и никакая сила в мире никогда не сможет победить мою божественную лень или направить в определенное русло течение моей судьбы!»

* * *

К концу сессии Ассамблеи Бриан покорен Женевой и Лигой Наций.

– В конце концов, – говорит он, – эта Лига Наций является живой и пластичной материей, над которой можно работать. Это решающий поворотный пункт: синтез всего мира постоянно у вас перед глазами!

И сессия заканчивает свою работу на том, что юрист Политис высказывает следующее суждение:

– Если бы Протокол премьер-министра Эррио не привел к подлинному франко-английскому согласию, то Лига Наций не выполнила бы свою задачу!

Глава 3. Локарно... Локарно... Все прекрасно...

Победители и побежденные взаимно гарантируют друг другу безопасность. – Анна де Ноайль, Пифагор и Поль Пенлеве. – Виконт Исии и харакири. – Вандервельде, Муссолини и пресса. – «Ура! Мир обеспечен!» – Дневник лорда д'Абернона. – На пароходе «Регина Мадре». – Пуанкаре не нравится Локарно. – Локарно на Монмартре.

Время идет.

Второе марта 1925 года. Созывается расширенное заседание английского кабинета для обсуждения Протокола Эррио. Болдуин не принимает участия в голосовании, так как его мать больна и он сидит у ее изголовья. И английское правительство большинством в один голос отказывается подписать Протокол...

Правительство Эррио свергнуто, на смену ему пришло правительство Пуанкаре – Бриана... Франко-германское сближение по-прежнему не движается с мертвой точки, так же как и проблема безопасности. Ремонтный вопрос все больше разъединяет союзников. Франция все время добивается создания более определенной системы безопасности, чем та, которая вытекает из Устава Лиги Наций...

Двадцать пятое апреля. Триумфальное избрание фельдмаршала Гинденбурга президентом Веймарской республики...

Союзники считают, что в Германии пробуждается национализм и милитаризм...

Первое июля. Приступили к эвакуации Рура, начиная с кельнской зоны. Газеты объявляют о прекращении межсоюзнического военного контроля с 1 января 1926 года...

На международном горизонте появилась новая надежда. Министр иностранных дел Бриан заканчивает дипломатические переговоры о новом, расширенном Рейнском пакте – договоре еще неизвестного до сих пор типа, в котором впервые победители и побежденные гарантируют друг другу безопасность.

Крупные международные юристы ликуют. Они излагают основные положения этого нового соглашения:

«Франция и Бельгия, с одной стороны, и Германия – с другой обещают друг другу не начинать военных действий, за исключением случаев законной обороны или нарушения статей Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны.

Англия и Италия своими вооруженными силами гарантируют взаимные обязательства.

Объединенные вооруженные силы Чехословакии, Польши, Румынии и Югославии (приблизительно около шестидесяти дивизий), уже связанных с Францией военными договорами, окажут значительную поддержку в случае нового франко-германского конфликта».

Наконец, юристы подчеркивают, что этот новый договор навязывает Германии войну на два фронта: «Если на западе Германия захочет когда-нибудь напасть на Францию, – говорят они, – то на востоке Германия должна будет столкнуться с поляками и чехами, поддерживаемыми румынами и югославами».

Уже 15 августа газеты сообщают, что новый договор будет подписан в Локарно сразу же после окончания 6-й сессии Ассамблеи Лиги Наций, которая открывается в Женеве 1 сентября.

В связи с этим международная пресса извещает, что Бенито Муссолини, находящийся у власти уже три года, но до сих пор еще не пользующийся популярностью, направится в Локарно. Итальянские газеты «Империо» и «Ресто дель Карлино» выражают намерение дуче добиться для Италии политических и экономических возможностей для восстановления Римской империи. Но никто не обращает внимания на эти высказывания...

* * *

Женева, 1 сентября 1925 года. Новый председатель Совета министров Поль Пенлеве прибывает вместе с французскими делегатами и министром иностранных дел Аристидом Брианом. Он заявляет:

«Периоды энтузиазма сменяются иногда периодами менее блистательными, но полезными, то есть периодами приспособления и урегулирования действительности».

* * *

Между тем Женева как никогда привлекает избранных всего мира. Известная поэтесса Анна де Ноайль прибыла вместе с Пенлеве. «Он единственный, кто заставил меня полюбить Пифагора», – говорит она.

Вечером Пенлеве, как всегда в своем сером сюртуке, благодаря которому он получил прозвище «маленький капрал мира», работает в своей комнате в «Отель де Берг». Бриан, Лушер и сенатор Памс мирно беседуют в знаменитом зеленом салоне.

Анна де Ноайль обращается к ним:

– И вам не стыдно так сидеть, развалясь в креслах, в то время как премьер-министр работает? Или это и есть то, что у французских министров называется управлять страной?

Бриан насмешливо отвечает:

– Анна, вы к нам несправедливы. Согласитесь, что в то время, как премьер-министр работает, мы могли бы пойти спать, вместо того чтобы ожидать здесь результатов его бодрствования. Возможно, что мы не работаем, но мы и не спим. Именно на этом и основывается министерская солидарность!

Несколько дней спустя Бриан завтракает в гостинице «Бо-Риваж» с Остином Чемберленом. Последний говорит ему:

– Совершенно очевидно, что ваша сила была бы непреодолима, если бы мы задумывались о средствах нашей политики столь же усердно, сколько мы думаем о ее целях. Но это означает, что мы, англичане, должны были бы уже сто или пятьдесят лет тому назад вменить себе в обязанность наряду с развитием имперского флота установить всеобщую воинскую повинность для создания сухопутной армии. Мы народ практичный, который стремится вести свою политику столь же благоразумно, как и свои торговые дела.

Но Бриан прерывает его речь с целью напомнить, что война 1914 года стоила Англии огромных затрат, которых, вероятно, можно было бы избежать, если бы Англия производила именно те расходы, от каковых она, по мнению Чемберлена, избавилась. Чемберлен отвечает ему: «Пусть так, но всеобщая воинская повинность и вооружение в мирное время стоили бы нам каждые десять лет в десять и двадцать раз дороже и, сверх того, повели бы к потере нами привилегированного положения по сравнению с конкурирующими державами. Вы полагаете, что, смело идя на большой риск, мы в конечном счете не совершили выгодной операции? Не думаете ли вы, что наше экономическое и дипломатическое положение было бы лучше, если бы мы менее рассчитывали на наши национальные силы и заплатили бы, трусливо заботясь о безопасности, такую страховую премию, которая бы нас разорила?»

Но Бриан улыбается – это его не убеждает!

* * *

И тем не менее в этот вечер Бриан задумчив.

На него произвела тяжелое впечатление впервые появившаяся оппозиция Уставу Лиги Наций, которую он заметил у одного из членов Лиги Наций, и он рассказывает:

«Во время обсуждения сегодня утром статьи, устанавливающей условия, при которых могут быть применены санкции к государству, нарушившему созданную мирными договорами систему отношений, первый делегат Японии виконт Исии предложил поправку. Эта поправка лишала Лигу Наций малейшей возможности потребовать применения каких-либо санкций против какого-либо государства, если хотя бы один член Совета мог бы заявить, что “государство-агрессор действовало по причинам, определяющимся внутренней политикой”. Это весьма красноречиво свидетельствует об экспансионистских целях Японии в Китае!»

Повернувшись тогда к виконту Исии, я говорю ему:

– Поясните вашу точку зрения!

Своим обычным тихим, спокойным и приятным голосом он отвечает мне:

– Когда вы заболеваете, что вы делаете?

– Посылаю за доктором, – говорю я ему.

– Совершенно верно, – замечает Исии. – А если врач говорит, что ничего не может сделать?

– Тогда, – отвечаю я, – я пошлю за хирургом!

– Правильно, – продолжает Исии, – а если хирург скажет, что не может оперировать вас? Что вы будете делать?

И, поскольку я не отвечаю, Исии говорит спокойно:

– Тогда вы сделаете себе хакири!

«Это предвещает нам очень трудные дни в Лиге Наций, – говорит в заключение Бриан, – так как, чтобы обеспечить свою экспансию, Япония не поколеблется подорвать эту организацию».

* * *

Четвертого октября вся французская делегация в полном составе направляется на поезде в Локарно – место, выбранное для подписания нового договора.

Теплое осеннее солнце. Очаровательная страна, мирная атмосфера!

Мягкий осенний климат побережья Большого озера лучше всего будет способствовать последним переговорам.

* * *

Жители Локарно собрались перед гостиницей, чтобы увидеть прибытие нашей делегации.

Немецкие журналисты, которых почти не было видно со времени подписания Версальского договора, уже давно здесь.

Они тотчас вступают в разговор с французами: «Для нас слово “безопасность” имеет совсем другой смысл, чем для всех вас в Лиге Наций! Для вас “безопасность” означает бездеятельность Германии в ее теперешних границах! А для нас, немцев, “безопасность” означает свободу действий!»

В Локарно уже прибыл министр иностранных дел Германии Густав Штреземан. Этому толстому человеку с квадратной головой и лицом, как у мертвеца, с огромными тусклыми глазами и каким-то металлическим голосом присуща своего рода дипломатическая гениальность. Он умеет лукавить со своими собеседниками.

Из своего вандейского уединения Клемансо предупреждает Бриана: «Будьте внимательны, опасайтесь Штреземана!»

Седьмого октября прибывает сияющий чешский министр Эдуард Бенеш.

На следующий день приезжает его неистовый польский коллега – граф Скржинский. «Как будут выполняться союзнические обязательства Франции в случае нападения Германии на Польшу или Чехословакию? Если Франция после этого выступит против Германии, то Англия и Италия могут парализовать действия Франции. А в том случае, если на Польшу нападут русские, будет еще хуже! – восклицает граф Скржинский. – Франция сможет тогда помочь своему союзнику Польше, лишь проведя свои войска через территорию Германии. Но Германия уже сейчас дает понять, что она откажет в этом. И следовательно... А Польша, господа, Польша?»

* * *

Одиннадцатого октября прибывает еще мало кому известный, бесцветный и брюзгливый Муссолини. Он возражает против пакта, но согласится его подписать.

Его приезд в Локарно наделал много шума.

– Я не хочу иметь никакого личного контакта с руководителем фашистского правительства, – заявляет председателю конференции Остину Чемберлену бельгийский социалист Эмиль Вандервельде, личный друг итальянского депутата Маттеоти, убитого по приказу Муссолини.

Чемберлен отвечает:

– Все будет устроено так, чтобы избежать всякой встречи, и вы увидите друг друга лишь в день подписания... и то издали!

Итальянская делегация немедленно объявила представителям печати, что диктатор примет их завтра утром, в 11 часов, в «Гранд Отеле». Среди журналистов бурные споры. Происходят многочисленные частные совещания, на которых обсуждается, должна ли пресса путем неявки на пресс-конференцию протестовать против репрессивных мер, примененных фашистским правительством по отношению к некоторым итальянским газетам. Поскольку мнения разделились, каждый будет действовать согласно своей совести. Я остаюсь в холле гостиницы, в то время как часть журналистов направляется на пресс-конференцию. После окончания пресс-конференции Муссолини проходит через холл. Разговоры сразу же прекращаются. Он останавливается перед английским журналистом-социалистом, которому громовым голосом задает вопрос:

– Ну, как идут дела коммунизма?

– Я не знаю, сэр.

– Почему?

– Потому что я не коммунист, сэр.

– В таком случае я ошибся.

– С вами это часто случается, – язвительно отвечает журналист.

– Может быть, – замечает Муссолини, смерив своего собеседника взглядом с головы до ног, и медленно, не оборачиваясь, направляется к двери.

* * *

Наконец, вечером 16 октября, полторы тысячи жителей Локарно толпятся перед окнами Дворца правосудия, чтобы посмотреть на министров союзных стран и Германии, собравшихся для заслушивания текста нового Локарнского пакта и его подписания.

Первым подписывается канцлер рейха Лютер. Штреземан охрипшим голосом делает на немецком языке путаное заявление.

Бриан превосходно импровизирует речь... Чемберлен, с дрожащими от волнения руками, произносит несколько слов, которых никто не слышит, и со слезами на глазах садится на свое место, уронив на колени монокль.

Сидящий слева от председательствующего бледный, с осунувшимся лицом и отсутствующим взглядом Муссолини, на которого никто не обращает внимания, не говорит ничего. Затем Бриан увлекает за собой на балкон Лютера. Им долго аплодируют.

Несколько часов спустя в Берлине посол Англии лорд д'Абернон отмечает в своем знаменитом «дневнике»: «День 16 октября знаменует собой поворот в истории послевоенной Европы. Это – уничтожение демаркационной линии между победителями и побежденными. Для Англии это означает восстановление политики равновесия».

* * *

В этот вечер в Локарно царит всеобщий энтузиазм! Он охватил даже наиболее скептически настроенных и всем пресыщенных дипломатов. Разве Германия, вчерашний враг, не поставила только что свою подпись под восемью мирными протоколами?

Начальник кабинета⁵ Бриана Алексис Леже объясняет всем и каждому:

– Господа, Франция добилась наконец обеспечения своей безопасности на Рейне! Теперь, если немцы когда-нибудь нарушат свое слово, английские и итальянские вооруженные силы автоматически придут на помощь Франции; отныне можно более не опасаться за будущее. Войны больше не будет. Германия вступает в Лигу Наций, несмотря на то, что оккупация нами Рейнской области продолжается!

Некоторые охвачены таким энтузиазмом, что бегут на почту отправить телеграммы своим родственникам и друзьям. «Ура! Мир обеспечен!»

* * *

В 10 часов вечера Аристид Бриан, выпив стакан молока, уже спит спокойным сном.

Пара маленьких черных, немного поношенных ботинок на пуговицах, стоящих у дверей его комнаты, свидетельствует о том, что их владелец пренебрегает всеми стихийно возникающими празднествами.

Горы иллюминированы, по улицам движутся факельные шествия. Во всех гостиницах ужинают, поют и танцуют.

* * *

На следующий день выдалась прекрасная погода.

Бриан приглашает сэра Остина Чемберлена, а также около ста журналистов, дипломатов, экспертов, локарнскую знать и некоторых дам совершить «плавание мира» на борту «Регины Мадре» – самого роскошного парохода судоходной компании озера Лаго-Маджоре.

⁵ Для Франции характерно сравнительно кратковременное существование того или иного Совета министров. Однако эта частая смена министерств не нарушает деятельности административного государственного аппарата, поскольку вновь назначаемый министр не меняет установленного ранее декретом президента республики порядка работы министерства, так же как не сменяет постоянных, особенно высокопоставленных, чиновников, которые обычно и являются первыми помощниками министра в проводимой правительством политике. Но в отличие от постоянного штата министерств каждый министр составляет свой собственный кабинет, куда включает своих непосредственных сотрудников, которых обычно он лично хорошо знает и которым полностью доверяет. Назначение состава кабинета министра полностью зависит от самого министра.

На палубе среди зеленых растений и цветов тихо играет маленький оркестр. Бриан, одетый в свой обычный тесный черный пиджак, в старой мягкой шляпе, улыбаясь, переходит от одной группы к другой и все время курит.

Чемберлен, знаменитое изречение которого «Я люблю Францию, как любят женщину» давно уже покорило сердце Бриана, стоит, прислонившись к перилам. Он рассказывает кембриджские истории и в то же время беспрерывно курит, зажигая сигареты одну от другой.

– Вы курите так же много, как и я, – говорит Бриан.

– Я стараюсь следовать примеру своего отца, – отвечает Чемберлен. – Есть люди, которые едят для того, чтобы жить, другие живут для того, чтобы есть, а мой отец говорил, что он ест и пьет для того, чтобы курить!

Спустя некоторое время Бриан останавливается перед самым свирепым из немецких журналистов – Фейерманом из «Дойче тагесцайтунг».

– Мы с вами, – говорит ему Бриан, – принадлежим к разным лагерям, но сегодня, поскольку мы находимся на одном корабле, это несомненно означает, что вы согласны с Локарно?

Немецкий журналист, злобно взглянув на Бриана, отвечает угрюмо и серьезно:

– Я согласен.

– Вот и прекрасно, – заключает, улыбаясь, Бриан. – Вы видите, что мы с вами принадлежим к одной партии – локарнской!

Прогулка длится три часа при самой великолепной погоде, какая только может быть. Никогда еще заход солнца не казался всем столь прекрасным!

В этот вечер, 16 октября 1925 года, в Локарно делегаты по-настоящему верят в будущее!

* * *

А в Париже усиливаются критические настроения.

Пуанкаре замечает: «Разве приведение в действие всех гарантий, только что полученных Францией, не зависит от голосования Совета Лиги Наций? Следовательно, эти гарантии сохраняют свое значение лишь до тех пор, пока Франция и Англия будут полностью согласны в своей политике по отношению к Германии и Европе. Ну, а затем?»

Клемансо высказывается резко: «Нет совершенно никакой ясности в вопросе о том, что Англия должна помочь Франции в случае, когда наша страна вынуждена будет выступить против немцев, если они в один прекрасный день нападут на Чехословакию или Польшу».

Что касается дипломатических экспертов, то им не по себе. Они начинают задавать себе вопрос, будет ли Германия «отходить» от этого пакта к принятию нового европейского режима или ей удастся толкнуть союзников к отказу от прав и гарантий, предоставляемых им Локарнским пактом.

* * *

Но простые люди и общественное мнение продолжают ликовать, подобно Бриану и всем участникам переговоров!

Все убеждены, что Локарнский пакт окончательно установил мир!

Так, на Монмартре освистали куплетиста, который попытался прибавить к своей песне «Локарно» последний куплет:

«Локарно... Локарно... Все напрасно!»

Гнилые яблоки, свист и подражания крикам животных тотчас же заставляют певца повторить слова припева предыдущего куплета, которые хором подхватывают все присутствующие:

«Локарно... Локарно... Все прекрасно!»

* * *

Локарно и Лига Наций чрезвычайно популярны в двух политических салонах Парижа, которые оспаривают друг у друга «знаменитостей послевоенного времени».

Это салон старой мадам Менар-Дориан, через который в течение двадцати пяти лет прошло все то, что Франция и Европа считали разумом и идеалом демократии, и салон основательницы и руководительницы журнала «Эроп нувелль» Луизы Вейс.

Мадам Менар-Дориан, одетая в черные кружева, с лицом, обрамленным седыми волосами, в длинных шведских перчатках, всегда и во всем остается светской дамой, начиная от черепахового гребня, увенчивающего ее прическу, до изящных туфель на низком каблуке. Столь же восторженная в девяносто лет, как и в двадцать, она постоянно отыскивает среди молодежи людей с душой апостолов и вождей. Некогда у нее бывали Виктор Гюго, Гамбетта, Каррьер и все крупные музыканты и артисты прошлого века. У нее, радикал-социалистки крайне левого направления, можно увидеть историка французской революции Олара, Жозефа Кайо, известного бельгийского социалиста Вандервельде, соратника Жореса и директора Международного бюро труда Альбера Тома и даже коммунистического лидера Марсея Кашена. Политические деятели новых демократических государств Центральной Европы: Эдуард Бенеш, Масарик и ряд других обязаны ей многим.

Мало-помалу завсегдатаи салона Менар-Дориан узнают дорогу на улицу де Винь. Там, между городской прачечной и гаражом, молодая Луиза Вейс устраивает приемы в своем ателье. Там без всякого приглашения и подготовки собирается новый цвет общества. В ателье нет прихожей. Пришедшие бросают свои пальто, плащи и шинели на перила лестницы. Обычно, придя туда, встречаешь послов, председателей совета министров и генералов, которые с веселым видом вешают свои пальто на вешалку, тянущуюся с восьмого этажа до низа лестничной клетки.

Сюда приходят молодой профессор университета радикал-социалист Даладье, Анатоль де Монзи, который говорит о своем намерении составить энциклопедию, немецкий посол фон Хеш, мадам де Ноайль и ее друг литературный критик Анри Ган, лидер социалистов Марсель Самба и его жена, знаменитая художница. Марсель Самба был здесь со своей женой за несколько дней до отъезда в клинику в Шамониксе, где ему суждено было умереть. Через час после смерти Самба его жена выстрелит из револьвера себе в сердце, оставив на столе в номере гостиницы коротенькую записку: «Дорогой Марсель, извини, что я запаздываю на свидание с тобой на один час».

Поздно вечером приезжает граф Бонн де Кастеллан со своим черным пуделем, которого он держит под мышкой. Он рассказывает о своих последних победах. Он никогда не улыбается, потому что сделал вливание парафина под кожу лица, чтобы казаться моложе. Приходит Альбер Тома. Он говорит озабоченно: «Главное – не проговоритесь мадам Менар-Дориан, что я был здесь».

Все проходят к столу...

Во время последнего завтрака происходит забавная сцена: возвращается из своего лекционного турне в Америку Луиза Вейс.

Актриса Руфь Дрейпер прислала с ней письмо актеру Люнье-По. В час дня приходит Люнье-По, похожий на бродягу, с длинным носом, пронзительными глазами, в перчатках цвета сливочного масла. Письмо Руфь Дрейпер заинтересовало его, он в восторге!

– Вы должны встретить Бернара Циммера, этого молодого писателя, тяжело раненного на войне, который... который... – говорит Луиза Вейс.

Люнье-По взволнован, его воодушевление проходит, оживление исчезает. Он торжественно поднимается, берет свою немислимую шляпу и заявляет:

– Вчера утром я дрался на дуэли с г-ном Циммером, но кровь не стерла оскорбления, нанесенного им мне. Если я его встречу, я ему дам пощечину и снова вызову на дуэль.

У него угрожающий вид, который действует на приглашенных как холодный душ, ему поспешно подадут пальто и смотрят, как он, перепрыгивая через несколько ступенек, бежит вниз с восьмого этажа. Все с радостью видят, что, увлеченный чтением письма мисс Дрейпер, Люнье-По не заметил внизу лестницы только что вошедшего Циммера.

Глава 4. Веймарская республика вступает в Лигу Наций

Штреземан и письмо Аристиды Бриана. – Пивная «Бавария» и пивная «Гамбринус». – Фон Шуберт и истина. – Долой пушки, ружья и пулеметы! – Корсет графа Бернсторфа. – Обморок Штреземана в Туари. – «Пуанкаре все знает, но ничего не понимает».

Время идет...

Спустя несколько недель после Локарно Штреземан говорит своим сотрудникам: «Бриан стал для французского обывателя “отцом мира”, поэтому он готов на все, лишь бы удалась локарнская политика».

Воспользовавшись тем, что националистски настроенное германское общественное мнение плохо встретило Локарнский договор, Штреземан сумел добиться от французов и англичан новых выгодных уступок и, в частности, письма Аристиды Бриана, подписанного также Чемберленом, Вандервельде и Шалоя. Это письмо позволяет Германии истолковывать основные статьи пакта только *ad usum Germaniæ*.⁶ «Германия будет обязана оказать сопротивление какому-либо агрессивному действию лишь в той мере, в какой это совместимо с ее военным и географическим положением, и ни в коем случае французские войска не будут иметь возможность проходить через германскую территорию».

Старый дипломат Жюль Камбон возмущается:

«Бриану так не терпится ввести Германию в Лигу Наций, что он соглашается нарушить даже систему коллективной безопасности, которая служит предметом постоянных забот его дипломатии». И старый посол говорит в заключение: «Кажется, Штреземан уже предусматривает возможность войны России против Польши и Румынии, и, следовательно, в этом случае германская территория осталась бы закрытой для французских войск, а это означало бы, что вся великолепная система коллективной безопасности господина Бриана оказалась бы ликвидированной».

* * *

Речь идет теперь о том, чтобы подготовить вступление в Лигу Наций Германии, признанной по Локарнскому договору от 16 октября равноправной с державами-победительницами.

В связи с этим возникает целый ряд проблем.

Тем временем Штреземан, как всегда, торопится добиться успеха по этапам, имея в виду приближение 10 марта – даты созыва чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги Наций, на которой должны быть решены проблемы, связанные с вступлением в нее Германии, что предусмотрено сделать во время очередной, 7-й сессии Ассамблеи в сентябре. Штреземан успевает еще добиться от Бриана и Чемберлена согласия... на изменение режима оккупированных территорий и... на эвакуацию Кёльнской зоны.

⁶ В пользу Германии (лат.).

* * *

Женева, 6 марта. В Италии в связи со все усиливающейся антифранцузской политикой происходят инциденты в Милане, Венеции, Триесте и Триполи. Муссолини вновь заявляет о своем желании установить господство Италии на Средиземном море и намеревается поставить вопрос об итальянском Тунисе.

Густав Штреземан в сопровождении статс-секретаря по иностранным делам фон Шуберта, рейнского прелата Кааса, юриста Гауса и всей многочисленной германской делегации... прибывает на Женевский вокзал под приветственные возгласы массы встречающих. И тотчас же в Женеве повеяло немецким духом!

Дороги запружены черными и желтыми автомашинами марки «Мерседес», а на тротуарах здоровенные светловолосые продавцы газет в небесно-голубых костюмах с серебряными пуговицами выкрикивают:

– «Берлинер тагеблатт»... «Фёлькише цайтунг»... «Теглихе рундшау»!..

Германский флаг развевается над отелем «Метрополь», шестьдесят две комнаты которого ожидают немецких делегатов!

И тут же на каждом этаже воцаряется странная атмосфера: вереницы пивных кружек и резкий неприятный запах потухших сигар, от которого дерет в горле.

Вечером германская делегация собирается в пивной «Бавария», «единственной в городе, куда каждое утро доставляются сосиски, привезенные на самолете из Франкфурта». К полуночи здесь, где все обволакивается клубами сизого дыма, – словно собирается вся Германия. Штреземан, громко смеясь, повторяет: «Да, да, я и есть Бисмарк поражения!»

А Жорж Бернхарт, директор «Газетте де Фосс», бросает реплику так, чтобы ее слышали за всеми столиками: «Теперь нет больше победителей и побежденных! Мы хотим вести переговоры так, как нам это удобно!»

Приходит барон фон Рейнбабен, высокий рыжий человек со шрамом на лице, как всегда в смокинге, – живое воплощение аристократии времен Германской империи (германские аристократы гордились шрамами на лице, нанесенными дуэльными шпагами. – Примеч. ред.).

На вопрос, с которым к нему обычно обращаются: «Барон, хотят ли ваши друзья, чтобы кайзер вернулся?» – он неизменно отвечает:

– Конечно, они оплакивают его в своих сердцах, но их кошельки и желудки требуют, чтобы кайзер по-прежнему оставался в своем уединении в Дорне. И он останется там, можете быть в этом уверены!

Затем появляется весьма элегантно одетый в стиле времен Германской империи, совершенно лысый, с лицом кирпичного цвета статс-секретарь фон Шуберт.

Сегодня вечером он бросает на меня убийственный взгляд. В интервью, которое он мне дал накануне, я умышленно привела сказанную им и часто повторяемую фразу: «Германия, как только она сможет, намерена отвоевать Эльзас и Лотарингию и подготовить реванш!»

В Лиге Наций всеобщее возмущение!

Аристид Бриан, которому германская делегация заявляет решительный протест в связи с этим, строго отчитывает меня: «Ужасная Табуи! Ну разве вы не происходите из семьи дипломатов? И разве вы не знаете, что в политике никогда не говорят правду! Не забывайте этого в будущем!»

* * *

Спустя несколько месяцев, 10 сентября 1926 года, в зале Реформации окруженный полчищем фотографов председатель 7-й сессии Ассамблеи серб Нинчич заявляет: «Поскольку Германия приняла все требования Устава Лиги Наций, она может принять участие в заседании».

Протискиваясь через плотную массу людей, столпившихся у левого входа, Штреземан, фон Шуберт и Гаус входят в зал заседаний и занимают места, отведенные им согласно алфавитному порядку, установленному Протоколом Лиги Наций...

Бриан, облаченный в узкий черный пиджак и брюки, напоминающие по форме печные трубы, медленно поднимается на трибуну. Встреченный бурей аплодисментов, он заявляет:

– Отныне Франция и Германия сотрудничают для дела мира!

Затем, вдохновляемый окружающей обстановкой, он становится все более красноречивым:

– Долой пушки, ружья и пулеметы!.. Долой траурные вуали!.. Дорогу арбитражу, безопасности и миру!

Эмоции достигают предела, его речь великолепна! У делегатов навертываются на глаза слезы, и Бриан покидает трибуну среди неопишуемого энтузиазма!

Но Штреземан аплодирует лишь кончиками пальцев, он даже не пожал руку Бриану!

В кулуарах фон Шуберт говорит: «Как изумительно красноречив ваш Бриан! Но мы бы предпочли этому сокращение на десять тысяч численности оккупационной армии в Руре».

А заведующий отделом печати Штернрубарт добавляет: «Когда мы увидим, что Пуанкаре начнет говорить то же самое, что и Бриан, вот тогда речь последнего покажется нам еще более красноречивой!»

Что же касается графа Бернсторфа, остающегося верным моде времен Германии Вильгельма I, то он, в своих лакированных ботинках, темно-сером рединготе, тонкой, затянутой в корсет талией и подкрашенными волосами, с презрительным видом отвечает тем, кто спрашивает его мнение о вступлении Германии в Лигу Наций: «Именно Германии надлежит обеспечить торжество подлинной идеи президента Вильсона. Версальский договор является лишь вынужденной мерой временного характера, суррогатом действительного мира!»

Наконец на трибуну неловко поднимается Штреземан. Со свойственным ему металлическим голосом и с неподвижно лежащими поверх досье большими руками он скорее бормочет, чем произносит свою речь, полную софизмов.

«Рейх согласился вступить в Лигу Наций лишь в надежде, что ее руководители установят на земле задуманный Богом новый порядок, при котором все нации имели бы право на равенство и т. д.»

Тень неудовольствия пробежала по лицам присутствующих, которые ожидали услышать совершенно другую по содержанию речь.

Однако Штреземан заранее предупреждал Бриана:

«Я вынужден был составлять и переделывать свою речь пять раз! Президент Гинденбург всякий раз находил, что она недостаточно воинственна! Таким образом, я могу удовлетворить присутствующих в Женеве лишь на 25 процентов, ибо я должен оставить 75 процентов своим берлинским националистам!»

* * *

Но час спустя на большом банкете, устроенном представителями прессы, он находит «нужный жест». В конце обеда, напоминающего изобильные пиршества Пантагрюэля, он

поднимается с места и, подходя к Бриану, звонко чокается с ним. Атмосфера становится более спокойной. Все довольны!

Но ненадолго.

* * *

В 9 часов вечера Штреземан собирает немецкую колонию в пивной «Гамбринус». Пивные кружки, толстые сигары и большая речь о внутренней политике, сопровождающаяся ударами кулака по столу.

«Реабилитация Германии перед всем миром является свершившимся фактом... Доказано, что именно союзники несут ответственность за войну... Германия снова требует возвращения ей колоний... И поскольку в статье 8 Устава Лиги Наций предусматривается разоружение великих держав-победительниц, в то время как побежденные уже разоружены, Германия вновь вооружится, если великие державы-победительницы не разоружатся!»

Речь должна остаться секретной.

Но лютый враг Штреземана и его политики Шейерман из «Дойче тагесцайтунг» поспешил передать ее текст швейцарскому телеграфному агентству.

Сенсация! Катастрофа! Этот простой факт подрывает позиции Штреземана, парализует деятельность Германии в Лиге Наций и главное – представляет Бриана каким-то иллюзионистом, если не сказать простофилей, перед общественным мнением правых кругов во Франции, которое все больше ставит под сомнение правильность идеи сотрудничества своей страны с Германией.

* * *

Однако во время официальных встреч Штреземан высказывает по отношению к Бриану самые дружеские чувства. Он даже приобрел вкус ко всем этим международным конференциям, на которых споры между кредиторами его страны и их взаимные пререкания всегда вызывают у него громкий смех.

– Признайтесь, что не всегда приятно быть должником, – говорил тогда Бриан.

И Штреземан весело отвечал:

– Если вы хотите, я могу вам уступить свое место!

* * *

И через несколько дней Бриан таинственно повторяет своим интимным друзьям: «Ожидаются новости... Ожидаются новости!»

И вот 17 сентября Бриана и Штреземана не могут найти в Женеве.

Один в автомобиле, другой на моторной лодке, они выехали из города и направились в Туари – местечко, находящееся на французской территории, в нескольких километрах от франко-швейцарской границы, – к владельцу гостиницы и прославленному повару Леже. Сопровождаемые лишь своими переводчиками, Штреземан и Бриан прежде всего отдают должное прекрасной кухне. Затем завязывается разговор.

В мелодраматических выражениях Штреземан обращается к Бриану:

– Чтобы убедить Гинденбурга и канцлера Лютера подписать Локарнский договор, я должен был гарантировать им, что этот жест доброй воли со стороны Германии повлечет за собой прекращение выплаты репараций, прекращение оккупации Рейнской области, а также разоружение всех стран, подписавших Версальский договор, либо же автоматическое предо-

ставление Веймарской республике права довести свои вооруженные силы до уровня вооруженных сил союзников. Если сейчас французское правительство не предложит Берлину план, включающий досрочную эвакуацию Рейнской области, а также торговые и финансовые соглашения, я, Штреземан, буду не в состоянии проводить ту единственную политику, которая дает Германии некоторые шансы вступить на путь искреннего сотрудничества с великими державами-победительницами!

Немного ошарашенный этой речью, Аристид Бриан говорит:

– Что сказали бы вы о финансовой помощи Германии в целях стабилизации французского франка? В обмен за нее могло бы быть достигнуто соглашение по многим другим вопросам!

Штреземан отвечает:

– Стабилизируя франк, мне не хотелось бы, однако, стабилизировать Пуанкаре!

Бриан его успокаивает.

Но речь идет о том, чтобы найти миллиард марок!

* * *

Вечером, после этой исторической встречи, со Штреземаном, который съел лишнее, случился тяжелый обморок.

На следующее же утро начинаются нападки германской прессы, недовольной тем, что, хотя прошло уже 48 часов с момента вступления Германии в Лигу Наций, Штреземан еще ничего не добился.

В Париже председатель Совета министров Раймон Пуанкаре проявляет нетерпение. Он вызывает Бриана к телефону по несколько раз в день.

Бриан разочарован! «В основе франко-германского сближения, – сознается он, – очень мало реального».

Тем не менее он собирает журналистов в своем маленьком салоне в «Отель де Берг» и заявляет:

– Если правительство Французской республики не проявит стремления пойти на некоторые уступки, за которые ему будет уплачено лишь много времени спустя, франко-германская война возобновится.

В этот момент вновь раздается телефонный звонок. Из Парижа звонит Пуанкаре: «Завтрак в Туари произвел плохое впечатление в правительственных и парламентских кругах Франции. Больше всего опасаются, чтобы вы не пошли на новые уступки Германии».

Более мрачный, чем обычно, Бриан вешает трубку и заключает, совершенно обескураженный:

«Пуанкаре – человек, который никогда не жил среди себе подобных; он провел свою жизнь сперва среди досье Дворца правосудия, а затем за политическим бумагомараньем, ему незнакомы истинные чувства французского народа!»

* * *

В правительственных кругах, так же как и в Женеве, крупные политические авгуры обсуждают события:

«Совершенно справедливо сказано, – заключают они, – что Пуанкаре всё знает, но ничего не понимает... а Бриан ничего не знает, но всё понимает!»⁷

⁷ Эта известная фраза о Бриане и Пуанкаре впервые была сказана Жоржем Клемансо еще до описываемых в данной книге событий.

И сессия заканчивается с первыми осенними туманами.

* * *

Двадцать девятого и 30 ноября Бриан будет защищать в Совете министров и в палате депутатов политику Туари. Он потерпит поражение.

Тем не менее он согласится снова взять себе портфель министра иностранных дел в следующем кабинете министров.

«Если я покину этот пост, – говорит он Лушеру, – правые партии во Франции получат министра по своему выбору, который вернется к политике силы по отношению к Германии».

А Пуанкаре Бриан заявляет: «Осторожно! Подобная политика только ускорит успехи германских националистов. Она сделает несостоятельными некоторые гарантии безопасности, которые согласились нам дать Англия и Италия в рамках Лиги Наций со времени Локарно! Верьте мне, сегодня нужна осторожность! Терпение!»

Глава 5. Примо де Ривера принимает Лигу Наций в Мадриде

Франко-германский медовый месяц. – В королевском дворце, последний вечер Альфонса XIII. – Бриан и его слуга Эмиль на бое быков. – У герцога Альбы. – Святой дух и Бенуа XV. – Повариха Штреземана. – Гостиница на улице Ваню.

А время идет...

Берлин, 3 июля 1928 года.

Министерская декларация нового канцлера Мюллера.

Немцы и англичане считают, что «после вступления Германии в Лигу Наций и специальных гарантий, которые она дала в Локарно, продолжение оккупации Рейнской области является “ненормальным”».

Статья 431 Версальского договора, которая устанавливает, что оккупационные войска должны быть выведены до истечения предусмотренных сроков, как только Германия выполнит все возложенные на нее обязательства, дает германскому рейху юридическое оружие, с помощью которого он может поддерживать свои требования.

В Париже Пуанкаре сопротивляется: «Оккупация является гарантией получения репараций, и вопрос о ней может быть урегулирован только одновременно с вопросом о репарациях и долгах».

Женева, 10 сентября 1928 года...

Бриан на трибуне в зале заседаний Лиги Наций. Канцлер Мюллер только что публично поставил вопрос об эвакуации.

Бриан начинает свою речь хорошо знакомым ему ораторским приемом: мягким голосом, почти тихо, он подтверждает свою преданность Лиге Наций и мирным переговорам. Затем внезапно его голос становится твердым. Он обращается к Мюллеру и разоблачает действия, которые предпринимает вермахт для своего тайного перевооружения.

Тяжкое обвинение.

Мюллер озадачен. Присутствующие рукоплещут Бриану.

– Я вижу, что франко-германский медовый месяц подходит к концу, – многозначительно говорит Политис.

На подготовительной комиссии по разоружению, работа которой, имеющая целью созыв всеобщей конференции, идет ускоренным темпом уже в течение восемнадцати месяцев, германская делегация с каждым днем все больший упор делает на статью 8 Устава Лиги Наций, предусматривающую разоружение победителей сразу же после разоружения побежденных.

В Риме Муссолини выражает явное удовлетворение договором о дружбе, который его министр иностранных дел, глава итальянской делегации в Лиге Наций Шалойя, только что подписал в Женеве вместе со Штреземаном; это договор о дружбе двух недовольных наций Европы, твердо решивших потребовать, чтобы учитывались их интересы.

Муссолини говорит о завоеваниях. В одной из своих претенциозных речей он даже предсказывает возникновение мирового конфликта в 1935 году.

«В этом году, – вопит он, – итальянская армия будет насчитывать четыре миллиона человек. Она будет располагать такой мощной авиацией, что гул ее моторов заглушит всякий ропот на полуострове, а крылья ее самолетов закроют небо Италии».

А в ожидании этого Муссолини демонстрирует свое активное сочувствие всем возникающим в Европе движениям, направленным против великих миролюбивых, демократических стран.

Он заигрывает с венгерским ревизионизмом. С каждым днем он все больше поддерживает движение молодого Адольфа Гитлера, находившегося в то время в заключении в австрийских тюрьмах.

Дело доходит до того, что в Австрии только что были задержаны вагоны с итальянским оружием, предназначенным для Баварии.

В противовес этому укрепляется франко-английская «антанта». Даже подписывают компромиссное морское соглашение. Франция будет поддерживать в вопросах разоружения морские позиции Англии в обмен на поддержку с ее стороны нашей точки зрения и наших интересов в области разоружения.

Но вот 4, 5 и 6 июня 1929 года на Мадридский вокзал один за другим прибывают поезда. Из Женевы приезжает вся Лига Наций со своими архивами, делегатами, стенографистками, переводчиками и секретарями.

Испания, которая вышла из Лиги Наций 10 марта 1926 года, вновь вошла в нее, после того как Германия вступила в эту организацию.

И чтобы отпраздновать возвращение блудного дитяти, Совет Лиги Наций решает провести свою 55-ю очередную сессию в Мадриде, у диктатора Примо де Ривера.

* * *

Мадрид, 7 июня 1929 года. В глубине беломраморного зала дворца сената, неподалеку от огромной золотой короны, возвышающейся над двойным позолоченным тронном, стоит стол Совета Лиги Наций, привезенный вместе с голубой скатертью сегодня утром из Женевы. Все готово для заседаний.

Вследствие серьезного заболевания Штреземан задержался в Сан-Себастьяне. Вместо него немецкую делегацию возглавляет статс-секретарь фон Шуберт.

* * *

Председательствует на сессии генерал Примо де Ривера, глава испанского правительства с 13 сентября 1923 года, когда король Альфонс XIII назначил его на этот пост.

У Примо де Ривера длинный нос, красное худощавое лицо и пронзительные голубые глаза. Он принимает делегатов в мундире цвета хаки, увешанном нашивками, орденами и знаками отличия. Он смеется, ворчит, хохочет, улыбается, говорит и опять повторяет все сначала. Он никогда не слушает своего собеседника. Выглядит он смешно и в то же время производит впечатление очень хитрого, но доброго малого. Каждому встречному он объясняет: «А вы знаете, я буквально изменил облик Испании. Мой министр общественных работ занимается оборудованием барселонского порта, он осуществляет ирригацию по всей Испании и трудится над сооружением туннеля под Средиземным морем, который свяжет Европу и Африку. А благодаря туннелю под Ла-Маншем вы увидите скоро, как откроется международная линия: Лондон – Париж – Мадрид – Танжер – Марракеш – Алжир – Каир!»

Вечером после открытия сессии Совета Лиги Наций король Альфонс XIII и королева устраивают пышный прием в парадных залах королевского дворца. Это тоскливое зрелище.

Вечер начинается шествием королевского кортежа. Вслед за длинной вереницей разряженных в пестрые одежды камергеров, отличительным знаком которых является маленький позолоченный ключ, искусно прикрепленный на правом бедре, появляются их величе-

ства. Одета в платье из вышитой золотом ткани, королева все еще очень красива. У короля, который выглядит постаревшим и изношенным, явно скучающий взгляд.

Принцессы в своих тюлевых платьях свежи и красивы. У инфантов болезненный вид. Один из них, проходя мимо меня, говорит своему брату: «Сегодня вечером нас показывают, как слонов!»

Проходят придворные дамы королевы, все старые и некрасивые, но сверкающие драгоценными камнями. Накануне марокканский принц, приехавший с визитом в Мадрид, сказал о них: «В Испании все прекрасно, за исключением королевского гарема, который оставляет желать много лучшего!»

Двое сыновей диктатора замыкают кортеж. Они великолепны в своих мундирах ордена Сант-Яго, в белых доломанах с красной отделкой и головных уборах, украшенных белыми петушиными перьями.

Вся эта церемония производит на делегатов Лиги Наций удручающее впечатление. «Это агония монархии!» – говорит Лушер.

Затем все проходят в буфетный зал. Продолжительная беседа Альфонса XIII с мадам Штреземан, молодой брюнеткой, красивой и кокетливой, становится событием этого вечера. Что касается принцессы Изабеллы, тетки короля, то она появляется повсюду и старается занять любезным разговором иностранных корреспондентов. Немедленно зовут переводчика: «Ее высочество говорит вам, что на сегодняшнем вечере много народу». – «Г-н Веер, корреспондент кельнской газеты, отвечает вашему высочеству, что действительно сегодня много народу и что королевский дворец в самом деле очень красив...» И принцесса Изабелла продолжает в том же духе устанавливать контакты с представителями крупнейших демократических газет мира!!!

* * *

На другой день в Мадриде бой быков. Французским делегатам не нравится это зрелище. Они с удовольствием не пошли бы, но не осмеливаются отказаться от столь почетного приглашения. Поэтому, сопровождаемый своим верным слугой Эмилем, который имеет «очень представительный вид», когда на нем надет сюртук, Бриан приезжает на это зрелище и тотчас же проходит в свою ложу, расположенную между ложами короля и диктатора.

Примо де Ривера еще более экспансивен, чем обычно. Смотря на арену, где пикадоры отражают своими длинными пиками нападения быка, он восклицает, то и дело вскакивая со своего места: «Это я заставил пикадоров привязывать маленький матрасик, который вы видите у их лошадей на том боку, которым они обращены к разъяренному животному. У меня разрывалось сердце, когда я видел, как быки распарывали животы бедным лошадям. Но какое сопротивление я должен был преодолеть, ибо публика не желала этого маленького матрасика!»

(Что касается нас, то нам кажется, что ныне этот маленький матрасик является тем единственным творением Примо, которое пережило его самого. – Примеч. авт.)

Из своей ложи Альфонс XIII обращается к Бриану: «Каково ваше впечатление, господин Бриан?» Бриана отнюдь не вдохновляет это зрелище, которое он видит в первый раз, и он говорит: «Ваше величество, уберите ваших матадоров, пикадоров и тореадоров, позвольте мне выйти на арену с маленькой охапкой сена, и я думаю, что сумею отлично поладить с быком!» Несколько разочарованный, Альфонс XIII сухо отвечает: «Не обольщайте себя такой надеждой, господин Бриан!»

Один из адъютантов его величества, приняв верного Эмиля за одного из французских делегатов, церемонно спрашивает его мнение о бое быков. Эмиль со своим неисправимым

акцентом бретонского крестьянина говорит в ответ: «Тут уж ничего не скажешь, эти парни расторопны и выпутываются ловко!»

Весьма удивленный этим ответом, адъютант его величества слегка покашливает и не возражает.

Начинается пятая схватка. Примо говорит без умолку: «Да, я только что расторг свой брак с синьоритой Кастельянос, из-за того что она спекулировала на бирже... И знаете ли вы, почему я остался у власти, вместо того чтобы уйти в отставку этим летом, как я это обещал королю и парламенту? Потому что моя отставка снова привела бы Испанию к унижению и упадку, как это было до моего прихода к власти... И таким образом, полный веры и энтузиазма, я приношу моей родине эту новую жертву. Я сохраняю власть в своих руках».

Однако внешне веселый и добродушный Примо де Ривера вызывает настоящую ненависть короля и всех классов общества.

Вечером один банкир доверительно говорит Лушеру: «Почти везде в Мадриде и в стране уже думают о восстании, которое избавило бы нас от диктатора. Об этом думают даже в королевском дворце!»

* * *

А заседания Совета Лиги Наций продолжаются. Фон Шуберт требует расширения прав национальных меньшинств. Но преимущества в этой игре на стороне Бриана. Фон Шуберту не везет в Мадриде. Он является козлом отпущения для карикатуристов, которые рисуют его в виде старого быка, тогда как Бриана они изображают тореадором, пытающимся раздражить его красным шарфом, под которым скрывается гротескная шпага.

На следующий день во дворце Годой, в своем кабинете, украшенном огромными портретами короля и королевы, Примо излагает пришедшим к нему с визитом делегатам свою «большую политику»: «Образование латино-испанской империи – федерации говорящих на испанском языке восьмидесяти миллионов граждан, – которая должна существовать на базе итало-испанской антанты».

Вечером большой обед у герцога Альбы. Трагикомедия. Штреземан, здоровье которого все ухудшается, привез с собой свою повариху, поскольку ему разрешается употреблять лишь кушанья, приготовленные согласно предписаниям его врачей. Предупрежденный об этом, герцог Альба иронически замечает: «Мой повар. – самый галантный из всех шеф-поваров Испании, он уступит место на своей кухне поварихе Густава Штреземана!» Но так как повар оказался не столь галантным, как утверждал герцог Альба, Штреземан остался без обеда. На протяжении всего приема, недовольно брюзжа, он вынужден был питаться одними фруктами, довольствуясь в качестве приправы бесконечными извинениями герцога Альбы.

Затем в этом старинном здании XVIII века состоялся вечер в стиле празднеств прошлого столетия. Роскошные сады, мягкое журчанье воды в фонтанах, невидимые оркестры, играющие менуэты и паваны.⁸

На этом вечере Бриан и Лушер узнают, что полтора года назад был наконец подписан секретный итало-испанский договор о дружбе, переговоры о котором велись еще с 1923 года, то есть с того времени, когда Альфонс XIII представил Примо де Ривера Виктору-Эммануилу, говоря: «Рекомендую тебе своего Муссолини». Согласно этому договору в случае войны Италия имеет право установить военную базу на Балеарских островах, а Испания может отказать в «праве прохода» французским войскам.

Они узнают также, что Примо де Ривера, желая получить поддержку папы Бенуа XV, побывал в Риме, чтобы вежливо напомнить его святейшеству, что «наличие восьмидесяти

⁸ Паван – старинный испанский танец, медленный и торжественный.

миллионов испанцев, проживающих во всех частях земного шара, должно было бы побудить папство назначить большее число испанских кардиналов». – «Мой дражайший сын, – ответил ему Бенуа XV, – когда папа назначает кардиналов, его вдохновляет святой дух. Надейтесь же, что святой дух вдохновит меня на исполнение вашей просьбы». Однако спустя некоторое время святой дух вдохновил Бенуа XV лишь на назначение целого ряда итальянских кардиналов.

* * *

Дипломатический корпус в большинстве своем полагает, что Бриан неправ, считая диктатора Примо де Ривера только гулякой и добрым малым!

Полтора года спустя изгнанный республиканской партией, влияние которой все увеличивалось, Примо де Ривера прибыл в Париж. Он поселился в маленьком скромном отеле на улице Ваню.

Я приглашаю его к себе на обед. Наступает назначенный день.⁹ Мои гости собираются. 8 часов... 9 часов... 9 часов 30 минут! Примо де Ривера все нет. В конце концов я звоню в отель на улице Ваню. «Господин Примо де Ривера умер!» – лаконично отвечает мне консьержка.

Действительно, стремясь забыть прошлое, бывший диктатор обращался к самым различным источникам утешения, какие только можно найти в Париже. И его силы не выдержали...

Тотчас же «Канар аншэн»¹⁰ и куплетисты со всеми подробностями оповестили о подлинных причинах его смерти! И особенно много говорили о белом монашеском одеянии – форме испанского ордена, к которому принадлежал Примо. Его друзья из числа испанской аристократии добились, несмотря на всяческие препятствия, чтобы он был похоронен в этом одеянии согласно привилегиям, какими он пользовался в период существования угасающей испанской монархии.

⁹ 16 марта 1930 г.

¹⁰ Французский сатирический еженедельник.

Глава 6. Соединенные Штаты Европы

Красный цвет на карте Европы Штреземана. – Вагон-салон поезда Гаага – Женева. – Пюпитр евангелического стиля заменяет письменный стол Верженна. – Да здравствует Бриан! Долой Соединенные Штаты Европы! – «Штреземан умер, это значит, все кончено».

Пятого августа 1929 года, Гаага.

Аристид Бриан, ставший председателем Совета министров 26 июля, когда Пуанкаре подал в отставку, открывает Гаагскую конференцию, на которой все союзники – кредиторы Германии собираются попытаться разрешить запутанный вопрос о межсоюзнических долгах и заставить Германию принять основные положения плана Юнга.

Шестое августа. Штреземан излагает свои взгляды на будущее:

«Я полагаю, что будет проведена рационализация мировой экономики, которая заменит ныне существующую систему, систему мелочной лавки! Мы с улыбкой вспоминаем сегодня прежнюю Германию, раздробленную на мелкие государства, каждое из которых имело свои собственные таможенные границы и свою денежную систему. Я думаю, что также с улыбкой будут вспоминать позднее о раздробленности современной Европы».

Все взволнованы. Бриан поднимается с места и с воодушевлением протягивает обе руки Штреземану.

В полдень картина меняется. Министр финансов Сноуден утверждает, что решения экспертов ни к чему не обязывают правительства; что распределение ежегодных немецких поступлений между кредиторами не удовлетворяет Великобританию и что поставки натурой, предусмотренные планом Юнга, наносят ущерб английским экономическим интересам. Это скандал. Сноуден пожимает плечами и сквозь зубы произносит несколько нелестных выражений по адресу французских делегатов, которых это возмущает...

Несмотря на то что в Гааге он один защищает свою точку зрения, он одерживает верх.

Штреземан, всецело занятый лишь вопросом об эвакуации Рейнской области, убеждается во время закулисных переговоров, что английское правительство выведет свои войска, что бы ни сделали французы.

19 августа Бриан получает от него письмо:

«Мы соглашаемся на выплату таких сумм, каких никогда не платила ни одна нация в результате проигранной войны. Возмещением этих жертв является наша политика, имеющая целью освобождение рейнских территорий».

Я чувствую, что не могу лично продолжать эту политику, когда вижу, что мои усилия, направленные, как и ваши, на то, чтобы покончить с оккупацией немецкой территории, обречены на столь очевидный провал...»

И после двадцати семи дней конференции Бриан совместно с союзниками принял решение относительно эвакуации Рейнской области. Он вручает Штреземану письмо, в котором указывается, что «эвакуация Рейнской области начнется в сентябре и будет закончена в восьмимесячный срок, не позднее конца июня 1930 года». Штреземан получает наконец в свои руки письменное обещание, которого он страстно желал. Его чрезмерная бледность поражает присутствующих. Тем, кто его окружает и поздравляет, он отвечает со слабой улыбкой: «Еще целый год! Я уже не увижу немецкой земли, освобожденной от оккупации иностранными войсками».

И вот 31 августа – церемония подписания.

Однако в Париже, в парламентских комиссиях национальной обороны, военный министр Поль Пэнлеве пытается доказать устами генерала Буржуа в палате депутатов и пол-

ковника Фабри в сенате, что «в настоящее время ни наша армия, ни оборонительные сооружения на наших границах не представляют собой серьезной гарантии».

В Женеве 4 марта под давлением Штреземана принимается резолюция, которая закладывает основы политики германской экспансии в Европе, разрешая национальным меньшинствам устанавливать культурные и другие связи с родственным им отечеством. И с этого момента Штреземан распространяет среди деятелей Лиги Наций карту Европы, на которой обозначенная красным цветом немецкая нация выходит за существующие границы рейха и распространяется на территориях Франции – в районе Эльзас-Лотарингии, Италии – в области Южного Тироля, Бельгии – в Эйпене и Мальмеди и Чехословакии – в Судетской области, населенной немецким меньшинством.

* * *

Поэтому первого сентября 1929 года, окруженный своими сотрудниками, Лушером и Жувенелем, в салон-вагоне, в котором французская делегация направляется из Гааги в Женеву на 10-ю сессию Ассамблеи Лиги Наций, Аристид Бриан проявляет озабоченность.

Констатируя, что почти все порожденные войной проблемы были мало-помалу разрешены, Бриан заявляет: «Теперь можно выдвинуть новые проблемы, путь свободен! В демократической стране всегда необходимо давать пищу мистицизму людей. Необходимо подкармливать их воображение. В этом отношении объявление войны вне закона пактом Бриана – Келлога от 27 августа прошлого года не дало тех психологических результатов, каких мы от него ожидали».

И тогда присутствующие, улыбаясь, вспоминают забавную церемонию подписания этого пакта.

... Правительство, дипломатический корпус – все собрались в тот день на Кэ д'Орсэ в салоне Больших часов. Распорядок церемонии был необычным. Перед знаменитыми часами вместо письменного стола Верженна, на котором в течение более чем двух веков подписывались все договоры, был поставлен маленький пюпитр евангелического стиля из светло-желтого дерева, и на нем лежал большой лист девственно чистого пергамента! Раздался троекратный стук, и вошел Бриан, предшествуемый двумя служителями с алебардами, как во время свадебной церемонии. За ним следовал внушительный кортеж из полномочных представителей, одетых в черные сюртуки.

Вместо новобрачной – этот девственно чистый лист пергамента, лежащий на таком смешном маленьком пюпитре! Молча делегаты подходили и ставили на нем свои подписи.

Бриан сидел под символическими часами. Справа от него находился известный американский юрист Келлог, а слева – Штреземан, жизнь которого явно угасала. <...>

И вечерние газеты вышли с заголовками: «Празднование духовной свадьбы Бриана и мира!»

* * *

И тем не менее сейчас, 1 сентября 1929 года, Бриан развивает свою мысль.

«Да, во Франции слишком много картезианцев.¹¹ Большая ошибка думать, что в области международных отношений может быть подобное же положение! Ныне наступил черед развивать воображение для Лиги Наций, которая более не прогрессирует. Что же касается нас, то нам следует воспользоваться моментом, когда Франция ослабляет свои военные пози-

¹¹ Последователи учения французского философа Декарта.

ции, чтобы укрепить свои позиции моральные! Несмотря ни на что, я собираюсь выдвинуть идею Соединенных Штатов Европы!»

Начальник кабинета Бриана, Алексис Леже, возражает: «Однако этот французский проект произвел неблестящее впечатление в правительственных кабинетах!»

Рене Массильи, начальник французской канцелярии при Лиге Наций, комментирует историю создания Соединенных Штатов Америки и показывает, что в отличие от европейских государств английские колонии в Америке никогда не вели борьбу друг с другом. «Напротив, на протяжении полувека они боролись сообща. У них общая религия, общая идеология и один и тот же язык».

Бриан ворчливо замечает: «Все это вполне возможно! Но если я не предложу сейчас создать Соединенные Штаты Европы, существующее положение вещей будет укрепляться. И разве вас не поражает тот факт, что в каждой стране постепенно все более определенно выделяются две политические линии, две политические группы. С одной стороны, это те, кого посылают в Женеву и кто подписывает договоры, чтобы по возвращении подвергнуться грубой брани и дезавуированию. С другой стороны, это те, кто остается в своих столицах и осуществляет националистскую политику. Теперь или никогда следует дать этой идее новый импульс, вызвать всеобщий энтузиазм, в противном случае – все пропало!!!»

И Бриан, раздраженный и злой, поудобнее усаживается в своем кресле и раскрывает детективный роман, а его сотрудники отправляются спать!

* * *

На следующее утро перед вокзалом Корнавэн¹² собралось более пятисот человек, чтобы увидеть прибытие французской делегации. Со всех сторон раздаются возгласы: «Да здравствует Бриан!» Говорят, что отец мира привез с собой новую идею, которая приведет в восторг всю вселенную!

Но в Лиге Наций переговоры совсем не продвигаются. Алексис Леже не жалеет сил, беспрестанно повторяя в Генеральном секретариате: «Полноте, мы ведь спасаем Лигу Наций. Только этот проект позволит проводить в Европе политику сотрудничества».

Против проекта выступает прежде всего Британская империя.

Эмери, министр по делам колоний и доминионов, говорит: «Франция не может участвовать одновременно в двух Лигах Наций».

Делегаты Перу, Чили и Эквадора добавляют: «А как же мы? Вы преуменьшаете нашу роль. Вы пытаетесь подорвать международный характер Лиги Наций».

Что касается малых европейских стран, то они опасаются, что этот проект лишь укрепит всемогущество великих наций.

Фактически один только Бриан защищает свой проект!

* * *

И тем не менее 5 сентября, когда Бриан неторопливо подымается на трибуну Ассамблеи, его встречают продолжительной овацией.

Бриан говорит очень тихо и очень медленно. Он взвешивает каждое слово. Аудитория чрезвычайно взволнована.

Впервые рассматривая эту проблему со всех сторон, Бриан восклицает: «Только взглянув на эти вопросы под углом зрения политики, правительства смогут разрешить проблемы

¹² Вокзал в Женеве.

экономического сотрудничества. Между народами, являющимися в силу географического расположения соседями, каковыми являются народы Европы, должны существовать федеральные связи!»

Значительная часть присутствующих подымается и стоя долго аплодирует Бриану. Любопытное исключение среди глав делегаций представляют Макдональд, который, насупившись, остается на своем месте, и страшно исхудавший Штреземан, сидящий неподвижно, опустив голову.

Присутствующий на заседании французский социалист Ренодель плачет от радости! Слышно, как он пытается перекричать приветственный шум толпы: «Вы видите... вы же видите, что народам больше всего не хватает именно идей! Посмотрите, какой энтузиазм охватил их при провозглашении Соединенных Штатов Европы!»

* * *

При выходе из зала заседаний буря энтузиазма разражается у отеля «Виктория», откуда громкоговорители разнесли на всю Женеvu весть о новой французской инициативе. Впервые раздаются крики: «Да здравствует Франция!»

Бриан, которого полиция с трудом защищает от народного энтузиазма, прежде чем сесть в свой автомобиль, задерживается на несколько минут на пороге отеля. Он тихонько шепчет: «Да... да... но успех ли это?»

* * *

Спустя час в зеленом салоне «Отель де Берг» устроен завтрак для журналистов. Во время десерта Бриан произносит примерно такую же речь, как на заседании Лиги Наций. На этот раз решается судьба лозунга «Соединенные Штаты Европы». Бриан ищет хоть какого-нибудь признака одобрения на лицах присутствующих. Но все упорно смотрят в свои кофейные чашки.

Бриан продолжает упорствовать.

Девятого сентября он приглашает на завтрак глав государств и министров иностранных дел двадцати семи европейских государств. Но все происходит так же, как на завтраке для журналистов.

В конце приема министры необыкновенно сдержанны. Штреземан, лицо которого мертвенно-бледно, а склоненная набок голова делает еще более заметным его огромный зоб, хранит молчание. Германский делегат, граф Бернсторф, в вежливых выражениях заявляет: «Во всяком случае, этот проект может быть осуществлен лишь после того, как Германия...» и т. д.

Граф Бонин Лонгаре, член итальянской делегации, подшучивает над инициативой Бриана, осыпая его в то же время похвалами. Эмери, английский министр по делам колоний и доминионов, почти оскорбительно холоден.

Уходя, Эдуард Бенеш отвечает на заданный ему вопрос: «Это похороны по первому разряду! Все эти министры обязуются информировать свои правительства и изучить этот вопрос. Будет создан комитет, а Бриан подготовит к будущему году меморандум». Меланхолично настроенный юрист Политис добавляет: «Эта попытка создания европейской федерации сделана слишком поздно или слишком рано! Слишком поздно, поскольку приближается конец благополучного положения Европы! Если бы это предложение было сделано тотчас же после Локарно и до провала первой экономической конференции, то мы могли бы прийти к соглашению и можно было бы заложить основы этого экономического, политического и юридического европейского союза. Слишком рано, ибо Европа еще не осознала тех ужасных

последствий, какие повлечет за собой мировой экономический кризис. Сегодня нет больше веры в то, что народы и отдельные люди могут стать выше своих собственных интересов!»
Все безнадежно мрачно!

* * *

Спустя несколько дней происходит закладка первого камня Дворца наций на холме около Женевского озера. Эта церемония похожа на гигантский garden-party. (Приём гостей в саду. – Примеч. ред.)

В официальных речах председателя Ассамблеи и президента Швейцарской конфедерации не содержится ничего особенного.

Но пейзаж очарователен и полон романтики. Озеро нежно-голубого цвета, и все философствуют относительно того, что ожидает этот дворец в будущем.

Церемония закладки заключается в том, чтобы положить под первый камень текст Устава Лиги Наций, переведенный на тридцать два языка и написанный на веленовой бумаге.

«Итак, – говорит Форуги Хан, делегат Ирана и председатель Совета Лиги Наций, – когда наша цивилизация, в свою очередь, отойдет в область истории, археологи будут, таким образом, располагать тридцатью двумя ключами, которые откроют им двери мечты нашего времени, уставшего от войны и страстно желающего вечного мира!»

В целом взгляды на будущее довольно пессимистичны.

Предполагают даже, что будущий дворец переоборудуют в госпиталь во время предстоящей войны.

* * *

В конце недели я направляюсь в Витцнау, маленький швейцарский городок, где всегда лечится Густав Штреземан, теперь окончательно измученный.

Я хочу взять у него интервью. Мне передают его ответ: «Скажите мадам Табуи, чтобы она лучше ехала в Нюрнберг и увиделась с Адольфом Гитлером».

Пятого октября в полдень радио сообщает о смерти Густава Штреземана. Это вызывает волнение среди крупных французских политических деятелей. Жюль Камбон, бывший председатель конференции послов, заявляет:

«Я думаю, что это событие при нынешних обстоятельствах является наиболее серьезным, какое только можно себе представить!»

Лушер, Тардые и Эррио говорят:

«Густав Штреземан умер, а это значит, что отныне франко-германское сотрудничество становится невозможным. Германия возвратится к политике авантюры. Бесплезно обманывать себя, – это конец мира в Европе, но об этом не следует говорить!»

Что касается Бриана, то по возвращении в Париж он находится в угнетенном состоянии. Его сотрудники слышат, как он бормочет:

«Все кончено!»

Глава 7. Заседание Лиги Наций в королевском дворце в Гааге и Вестминстере. Конференция по репарациям и Морская конференция

Гаагская конференция. – Великолепный Тардье. – Адольф Шерон и ее величество королева Вильгельмина. – Принц-консорт и нескромные фотографы. – Туман и первое заседание Морской конференции. – Верный Эмиль запирает на ключ Аристидо Бриана. – Харакири адмирала Такарабе. – Ура адмиралу Бриану!

Проходят месяцы...

Штреземана заменил Курциус.

Седьмого ноября 1929 года, после семнадцатидневного министерского кризиса, Андре Тардье, получив большинство над левыми партиями в семьдесят один голос, становится председателем Совета министров...

Отныне в Германии организуется финансовое сопротивление плану Юнга; речь идет о том, чтобы приспособить немецкие законы к режиму этого плана; комитет Гугенберга требует проведения плебисцита, направленного против плана...

Седьмого декабря германский министр финансов Ялмар Шахт публикует меморандум: «Для нас, немецких граждан, бремя, налагаемое планом Юнга, слишком тяжело».

Проведенный 22 декабря плебисцит показывает, что массы с ненавистью относятся к плану Юнга и восторженно приветствуют организацию «Стальной шлем» и особенно Адольфа Гитлера, молодого агитатора, называющего себя национал-социалистом...

Что же касается немецкого правительства, то оно лишь весьма мягко пытается сдерживать манифестации, которые свидетельствуют о влиянии этого молодого честолюбца.

С другой стороны, нет ни малейшей точки соприкосновения между Аристидом Брианом и преемником Штреземана Курциусом, заурядным адвокатом, человеком небольшого роста, корректным и педантичным, ни глупым, ни умным, назначенным 15 октября на пост министра иностранных дел и рассматриваемого делегациями в качестве выразителя последней воли его предшественника.

Не позволяя себе отвлекаться от цели, Муссолини акцентирует политику будущих колониальных захватов и публикует в «Империо» изложение своей программы:

«Что касается Африки, нам необходимо было бы сделать скачок вправо и влево. Используя в качестве центра наших владений Триполи, нам следует, с одной стороны, протянуть руку до Туниса, а с другой – приобрести небольшую часть Марокко, не забывая в то же время о Египте и о Ливии, с тем чтобы соединиться через Нил с нашими владениями на Красном море! Наконец, в отношении Азии, мы могли бы, между прочим, утверждать, что нас интересует вся зона, расположенная в районе Додеканезских островов и Кипра, а также – Смирны и Антиохии и даже далее!»

* * *

Когда 2 января 1930 года экспресс «Золотая стрела» останавливается на вокзале в Гааге, четыре игрока продолжают еще с азартом играть в домино.

«Домино! – восклицает один из четверых, самый возбужденный из них, с очень длинным мундштуком во рту. Восхищенный, он продолжает: – Франция так красиво играла и выиграла партию! Честное слово, разве это не хорошее предзнаменование?» И Андре Тар-

дье – ибо это был он – стал рассыпаться в приветствиях перед голландскими властями, прибывшими на перрон приветствовать нового председателя Совета министров Франции, в то время как Аристид Бриан, Луи Лушер и министр финансов Адольф Шерон медленно выходили из вагона.

В первый раз становится заметно, что здоровье Бриана ухудшилось. Вечером, когда он принимает представителей печати, он охотно позволяет теперь говорить Тардье и смотрит на него одновременно с грустью и как бы забавляясь: «Другое поколение – другие методы», – бормочет он, в то время как Тардье, жестикулируя мундштуком, с вызывающим видом пытается толковать самые сложные проблемы, как ему кажется, оригинально и по-новому.

Бриан молчаливо не одобряет этого, но чувствуется, что он слишком устал, чтобы восстанавливать истину. Часто это бывает очень тяжело.

Сотрудник Клемансо, Андре Тардье, в своих неизменных лакированных ботинках и в цилиндре, одетый по последнему крику моды в нечто среднее между пиджаком и сюртуком, со своим мундштуком, более длинным, чем у Рузвельта, со свойственным ему вызывающим и насмешливым видом, представляет собой законченный тип французского буржуа, сына крупного буржуа.

Несмотря на недостаток политического чутья и почти полное отсутствие интуиции, он одарен высокими качествами человека действия. Его мозг представляет собой великолепную рабочую машину. «Это паровоз, всегда мчащийся с предельной скоростью, – говорят о нем чиновники и добавляют: – Но при нем никогда не может быть компромиссов. В политике он ломает все!»

Он несколько склонен к тому, чтобы «бить на эффект», и нет уверенности в том, что в его руках политика Франции в Лиге Наций, политика тонкая, разнообразная и сложная, будет иметь определенный успех.

Его отношение к Бриану определяется репликой, брошенной им в палате депутатов: «Ваша политика, господин Бриан, – это политика дохлой собаки, которую несет по течению!»

В Гааге через несколько дней после начала конференции королева Вильгельмина устраивает большое празднество в королевском дворце.

В небольшом салоне собрались за карточной игрой в тридцать одно увешанные орденами и с орденскими лентами через плечо послы, посланники, делегаты и избранные журналисты. В течение сорока пяти минут они ожидают торжественного знака, чтобы вместе со своими делегациями пройти перед их величествами – королевой Голландии Вильгельминой, принцем-консортом и маленькой принцессой.

Председатель Совета министров Андре Тардье «более великолепен, чем когда-либо». Бриан (сопровожаемый на этот раз генеральным секретарем Кэ д'Орсэ Филиппом Бертелло), Лушер и тучный министр финансов, сенатор от департамента Орн знаменитый Адольф Шерон, которого его диспут с новым английским министром финансов Сноуденом уже со времени первой Гаагской конференции сделал известным на международной арене, сопровождают председателя Тардье.

Хитрый, изворотливый Адольф Шерон, с маленькой бородкой, на коротеньких ножках и с огромным животом, все время мелочно спорит по вопросам права и юриспруденции. Это настоящий нормандский крестьянин: «Соотечественник палачей Жанны д'Арк» – как его всегда называет Бриан. Ест он феноменально. Еда – это важнейшая забота в его жизни.

«Я слежу за тем, чтобы Адольф всегда имел за обедом целого цыпленка, так как это как раз то, что ему нужно», – часто повторяет его жена Мари, дочь богатых буржуа из Кана. Но мы все знаем, что это только часть его обеда. Впрочем, спустя десять лет он и скончается от несварения желудка.

Коллеги Шерона по министерству всегда подтрунивают над ним по этому поводу.

В этот вечер в Гааге Шерон бросает на Тардые мрачные взгляды и ворчит про себя. Одному из делегатов, который спрашивает, что случилось, Адольф Шерон отвечает: «Я подозреваю, что наш председатель Совета министров Андре Тардые замешан в историю, которая произошла со мной и которая сильно меня огорчает».

У Шерона в округе Лизье, где он был избран сенатором, имелся свой старый портной, у которого он перестал заказывать одежду с тех пор, как пришел к власти. Тардые подделал почерк портного и направил Шерону письмо следующего содержания:

«Господин министр, я не могу пережить бесчестия, которое вы мне нанесли, не заказав мне вашего первого костюма министра финансов. Я кончаю с собой!» И в то же утро при выходе делегации с совещания потрясенный Адольф Шерон немедленно прочел это письмо своим коллегам, прося у них совета...

* * *

Но вот уже служители и камергеры приглашают французскую делегацию продефилировать перед их величествами. Адольф Шерон торжественно становится четвертым – после Тардые, Бриана и Лушера.

В глубине зала причудливой архитектуры на возвышении стоит одетая во все белое королева Вильгельмина между королевой-матерью Эммой и своей дочерью, юной принцессой Юлианой. Позади них полный господин – принц-консорт. Королева держит в руках, старательно затянутых в белые лайковые перчатки, небольшой список вопросов, которые она должна задать каждому делегату. Но государыня, по-видимому, перепутала вопросы и спрашивает у старого холостяка Бриана, у которого никогда не было семьи, то, что должна была спросить у Лушера, имевшего несколько дочерей.

Королева интересуется, хорошо ли прошло путешествие г-жи Бриан и успешно ли его дочери сдали экзамены, тогда как Лушеру она задает вопросы относительно дел на Кэ д'Орсэ.

К ее величеству подходит Шерон. Королева говорит ему:

– Господин министр, что вас больше всего поражает в нашей прекрасной Гааге?

Застигнутого врасплох Шерона на мгновение охватывает панический ужас! Короткая пауза, во время которой все французские делегаты с тревогой ждут, что же он ответит.

В конце концов, запинаясь, но громовым голосом он отвечает:

– Ваше величество... меня поражает множество велосипедов, которых в двадцать раз больше, чем в Париже!

Андре Тардые, Лушер и Бриан прыскают со смеху. Бертело снисходительно качает головой и весьма непочтительно говорит им:

– О, если бы вам приходилось так же часто, как мне, слышать разговоры между собой великих мира сего, то это напомнило бы вам беседу детей в возрасте от шести до восьми лет!

Стоящий в глубине помоста принц-консорт с симпатией смотрит на делегатов, проходящих перед ее величеством, ожидая с заметным нетерпением конца этой церемонии, чтобы побеседовать с ними.

Генрих Мекленбург-Шверинский – очень приятный человек, необычайно полный и с красным лицом. Он страдает плоскостопием и может ходить, только переваливаясь с ноги на ногу, подобно игрушечному человечку, сделанному из свинца.

Истории, в которые попадал этот бравый толстяк, муж уважаемой королевы Вильгельмины, были предметом «сплетен» всего дипломатического корпуса. Королева запретила ему говорить о политике и появляться в ее присутствии в том случае, если предварительно она не удостоивала его своей беседой. Принц-консорт философски относился к своему положе-

нию, и его главной заботой стало увеличение содержания, которое ему выделяла его царственная супруга.

Королева систематически подыскивала ему всякого рода дела, чтобы занять его чем-нибудь, но он везде терпел провал, даже в Красном Кресте! В конце концов он остался всего лишь почетным председателем бойскаутов.

Он любил жизнь, довольно много пил, и его слабости, столь человеческие, почти у всех вызывали симпатию. Его полные жизнерадостности и мягкости шутки о своем трудном положении снискали ему всеобщее сочувствие. «Ах, господа, как вам везет, – говорил он участникам Олимпийских игр 1928 года в Амстердаме. – Вы, по крайней мере, возвращаетесь каждый в свою страну и снова обретаете свободу, а я – я возвращаюсь, чтобы вновь попасть под ярмо голландского двора».

Он приезжал в Париж так часто, как только мог, и там развлекался. Но в один прекрасный день некий хитроумный фотограф заработал целое состояние, продав гаагскому двору, известному своими строгими нравами, несколько фотографий с изображением изысканных увеселений принца-консорта в Париже. Этим был положен конец его похождениям, ибо с этого момента выдаваемые ему денежные средства были сильно урезаны.

В этот вечер во дворце принц-консорт искуснейшим образом оказывал честь самому необычному из столов, которые я когда-либо видела. На подковообразном столе – нагромождение яств, наиболее легкими из которых были начиненные всякой всячиной поросята и фаршированные яйца. Огромные блюда с морем зеленого желе, на волнах которого плавали омары и лангусты; на месте глаз у них зажигались и гасли белые и красные электрические лампочки.

А в центре этого огромного стола возвышался гигантский макет королевского дворца из нуги. Над дворцом было водружено белое марципановое знамя, на складках которого алела надпись из красного сахара: *Si vis pacem, para pacem*.¹³

Внутренняя часть этого шедевра кулинарного искусства была ярко освещена электричеством, и там находились маленькие фигурки из нуги, изображающие их величества и их высочества.

Вот тогда я и заметила, каким гурманом был принц-консорт. Впрочем, его непомерный аппетит оказался впоследствии причиной его смерти! В самом деле, наступил день, когда он не мог уже больше откладывать курс лечения от ожирения. Он отправился лечиться в Бад-Хаштейн, где самые тучные в несколько дней превращались в сильфов. Так было и с ним, но спустя некоторое время после этого, осенью 1933 года, он все-таки умер. Когда зачитывалось его завещание, гаагский двор был весьма удивлен его последней волей: «Я ненавижу черное, – указывалось в документе, – поэтому я хочу, чтобы и двор и страна носили по мне траур белого цвета».

В конце работы Гаагской конференции ее председатель, которым является глава Совета министров Бельгии Жаспар, и его жена дают бал от имени всех делегаций в «Отель дез Энд», чтобы отблагодарить их величества и голландское правительство за все устроенные ими приемы и различные празднества. Согласно дипломатическому протоколу приглашать коронованных особ не разрешается. Но зато можно пригласить принца-консорта.

Именно он и открывает бал уланской кадрилию на мотивы из оперы «Кармен». После кадрили я была удостоена чести танцевать с принцем-консортом, который был особенно любезен и непрестанно смеялся в течение всего вальса. Не обладая свойственной ему способностью сохранять равновесие, я прилагала все усилия, чтобы не упасть, когда он во время танца вертел меня, как волчок.

¹³ Если хочешь мира, готовь мир (лат.). Это измененный вариант (парафраз) знаменитой римской пословицы: «Если хочешь мира, готовься к войне» (*Si vis pacem, para bellum*).

К концу вечера дамам были вручены шелковые платочки, отделанные брюссельскими кружевами. И я как сейчас вижу Андре Тардые, который с высоты лестницы «Отель дез Энд» смотрит на все это празднество одновременно и величественно, и по-мальчишески! Заметив, что я, хотя и крайне неохотно, собираюсь последовать примеру почтенных вдовушек, которые, отходя от принца-консорта, склонялись в церемонном реверансе, Тардые восклицает достаточно громко, чтобы я могла его слышать и что еще больше смущает меня: «Здесь не так, как во Франции, здесь смешное не смертельно!»

* * *

Через несколько дней конференция заканчивает свою работу. Чувствуется, что у немцев укрепилось намерение использовать свои финансовые затруднения для проведения «политики протеста». Что касается способов применения плана Юнга, относительно которых в конце концов пришли к согласию, они представляют собой весьма посредственный результат. «Все, чего мы достигли, – саркастически заявляет Тардые журналистам, когда экспресс «Северная звезда» останавливается на Парижском вокзале, – это согласия о разногласиях».

* * *

Но этот месяц – январь 1930 года – очень богат событиями в международной дипломатической жизни. Сорок восемь часов спустя после окончания Гаагской конференции в Лондоне 21 января, в самый туманный день этого века, открывается Морская конференция, созванная по требованию Англии, Америки и Японии. Все три державы желают установить границы своего морского строительства.

Лондон, Вашингтон и Токио хотели бы, чтобы Франция согласилась с итальянским требованием установления «паритета» на Средиземном море. Итак, для нас прежде всего речь идет о конференции по «защите» нашего флота, ибо для Франции всегда встает одна и та же проблема: «не имея гарантий безопасности, Франция сохраняет свои вооруженные силы».

* * *

В день открытия конференции стоит такой густой туман, что даже в большой галерее палаты лордов Андре Тардые с трудом может рассмотреть перед собой огромную картину, изображающую Нельсона во время Трафальгарской битвы. Французские делегаты видят, также как бы «в тумане», четырех других глав делегаций: Рамзея Макдональда, Стимсона – от Америки, Вакацуки – от Японии и Дино Гранди – от Италии. Каждый по очереди излагает точку зрения своего правительства.

* * *

В анналах дипломатической истории эта конференция, длившаяся восемьдесят семь с половиной дней, отмечена как самая скучная из всех конференций XX века.

Никаких публичных заседаний. Все переговоры происходят только между пятью главами делегаций. Некоторые сведения о ходе переговоров становятся известны лишь вечером, когда Бриан, Тардые или адмирал Дарлан принимают представителей печати.

Очень обеспокоенные в начале конференции французские адмиралы приобретают все более довольный вид по мере ее дальнейшего развития.

Вечером 20 марта некий американский журналист, который полагает, что на конференции слишком редки сенсации, спрашивает у адмирала Дарлана: «Admiral, look here,¹⁴ когда же наконец эта конференция сдвинется с места?»

Дарлан отвечает в том же духе:

«Она двигается великолепно. Как же вы надеетесь на изменение в дальнейшем характера этой конференции, если учесть, что работа ее в известной мере направляется моряками? Мы совсем не склонны к самоубийству. Поверьте мне, молодой человек, когда какое-либо правительство захочет ликвидировать часть флота, то будет предпочтительнее поручить эту операцию политическим деятелям. Так будет надежнее!»

* * *

Бриан, который болен, совсем не выходит из своей комнаты, куда по вечерам его верный слуга Эмиль приносит ему на обед только стакан молока и свежее яблоко. Облачившись в мягкий бумазейный халат табачного цвета в розовую полоску, Бриан преисполнен грусти. Что касается Эмиля, то он очень скучает в Лондоне. Поэтому он как можно раньше укладывает своего патрона в постель. Затем, чтобы быть уверенным, что Аристид Бриан не подвергнется никакой опасности, он запирает на два оборота ключа двери номера в отеле «Карлтон» и с ключом в кармане направляется в кино. Однажды вечером Андре Тардьё и адмирал Дарлан, когда их спор с Макдональдом относительно содержания коммюнике достиг наивысшего напряжения, пожелали, чтобы Бриан в качестве арбитра решил исход этого франко-английского сражения. Но войти к Бриану оказалось невозможно. С целью как можно лучше обеспечить безопасность министра иностранных дел Франции администрация отеля приказала поставить в его номере дополнительно специальный замок. Пришлось спешно послать французских и английских полицейских во все близлежащие кинотеатры, чтобы найти Эмиля. Но как раз именно в этот вечер Эмиль не был в кино, так как он нашел себе хорошую компанию и отправился гулять по набережной Темзы. В конце концов, чтобы дать возможность Макдональду и Андре Тардьё решить их спор, слесарь отеля «Карлтон» вынужден был взломать замок.

* * *

А конференция все затягивается.

Наконец 21 апреля 1930 года – заключительное заседание.

По правую руку Макдональда разместились те, у кого радостные лица: Бриан со своими делегатами и восемь американских делегатов. За эти восемьдесят семь дней переговоров они не потеряли ничего.

Налево – другая картина. Прежде всего английское морское министерство, которое не может особенно гордиться тем, что ему придется подписать черным по белому отречение Англии от мирового морского первенства, принадлежавшего ей со времен Трафальгара.

Рядом с ними – нервозно настроенные итальянцы. Они не достигли успеха...

И наконец обращает на себя внимание важный японец с выпученными глазами, который так внимательно вслушивается в слова председателя Макдональда, что буквально ложится животом на стол. Это адмирал Такарабе. Его мучают угрызения совести. Он тяжело

¹⁴ Послушайте, адмирал (англ.).

вздыхает: «Мои предки делали себе харакири за меньшее! Они карали себя даже за одно потерянное судно! А я, моя подпись, поставленная во вторник, равноценна потоплению многих японских кораблей общим водоизмещением в сотни тысяч тонн. Что же будет?»

Друзья успокаивают его, убеждая, что он тоже превосходно служит своему правительству.

Наконец наступает день отъезда.

В поезде Лондон – Дувр Бриан приглашает к себе в салон-вагон на tea-party.¹⁵ Все французские морские офицеры в сборе. Адмиралы ликуют: «Ах, – говорит адмирал Виолет, – это все равно, как после шторма, – необходимо восстанавливать порядок, констатировать потери и смело смотреть в глаза будущему. Но сегодня нет никаких потерь! Французский флот вышел невредимым из крупнейшего в современной истории морского сражения. Ура адмиралу Бриану!»

¹⁵ Званный чай (англ.).

Глава 8. Закат карьеры Бриана

Лорд Ротермир. – Австрийский канцлер Шобер ведет переговоры с Курциусом о таможенном союзе-анилюсе. – Хитроумный Бриан отделяется от анилюса. – Сенсационное сообщение прессы. – Почему Бриан выставляет свою кандидатуру на пост президента республики. – Рене Бриан, торговец гробами на улице де ля Паруасс в Версале. – Я останусь министром иностранных дел.

Проходит несколько дней...

Май 1930 года на берегах Рейна.

Ранним теплым майским утром 1930 года командир 3-го стрелкового батальона, которого предупредили, что ввиду военной реформы его батальон будет расформирован, ведет своих людей на прогулку по направлению к маленькому городку Бахараху, и там, на берегу Рейна, когда его солдаты выстраиваются по команде смирно, он приказывает окунуть в воду военные флажки. Он чувствует всю важность акта, который будет совершен.

А во Франции прощание с Рейном проходит незаметно!

И тем не менее... 31 мая в Бреслау происходит провокационная манифестация «Стального шлема» (элитарная организация германских аристократов. – Примеч. ред.). Сто пятьдесят тысяч человек, прибывшие сюда более чем в восьмидесяти специальных поездах из всех уголков Германии, сконцентрировались в 50 километрах от польской границы. Фельдмаршал Макензен, генерал фон Сект, бывший король Саксонии и кронпринц возглавляют эту манифестацию.

Несмотря ни на что, ровно через месяц, 30 июня 1930 года, перед дворцом великого герцога в Майнце генерал Гийома и Тирар выводят на парад единственный французский батальон, оставшийся в городе. Французские войска быстро проходят через мост и с барабанным боем приближаются к вокзалу. Войска идут по пустынным улицам, и кажется, что город необитаем.

Но к полудню облик Майнца совершенно преображается. На улицу высыпает толпы людей. Тот же самый мост, пустынный в полдень, к 5 часам вечера заполнен радостно настроенными мужчинами, женщинами и детьми. Это была шумная, восторженная масса людей, через которую с трудом могла пробить себе дорогу первая рота немецких полицейских, прибывшая из неоккупированной части Германии.

Оккупация окончилась.

Германия вновь обрела свою свободу.

Однако германские политические руководители недовольны. «Если страдания, вызывавшиеся оккупацией, окончились, то страдания, связанные с выплатой репараций, вступают в новую острую стадию», – заявляет его преосвященство католический прелат Каас.

Националистская печать подчеркивает те вопросы, которые остаются нерешенными в отношениях между Францией и Германией. «Нельзя говорить об освобождении до тех пор, пока нам не будет возвращена территория Саара», – пишет газета «Тагес цайтунг».

Утром 1 июля Мольтке пишет в «Локаль анцейгер»: «Погасли огни праздника освобождения. Вчерашний успех – это только отправная точка для новых усилий. В течение многих лет мы обращали свои взоры к Западу. В продолжение этого времени немецкие меньшинства должны были вести жестокую борьбу за сохранение своего германского духа. Для Германии теперь настало время поддержать их всеми своими силами».

И сразу был сделан упор на демилитаризацию Рейнской области.

Французский посол в Берлине де Маржери телеграфирует на Кэ д'Орсэ о новых основных направлениях германской политики:

«Теперь, когда достигнут первый этап политики Штреземана, Германия обратится к Западу».

* * *

Утром 10 сентября в Женеве во время заседания Ассамблеи Лиги Наций становятся известны результаты выборов в Германии: партия Адольфа Гитлера, за которую в 1928 году голосовало всего 800 тысяч избирателей, получила теперь более 6 миллионов голосов. В обстановке неопишемого восторга 107 гитлеровских депутатов вступают в рейхстаг.

Видя, что все начинают пересматривать свои позиции, Лушер восклицает:

«Это почти так же, как на Венском конгрессе, когда распространилась новость о том, что Наполеон бежал с острова Эльбы».

Всеобщее изумление! Англия рукоплещет!

Лорд Ротермир, владелец «Дейли мейл», пишет:

«Переход политического влияния в Германии к национал-социалистам выгоден и для всей остальной Европы, ибо таким образом воздвигается еще один оплот против большевизма». На следующий день, касаясь вопроса о пересмотре договоров, Ротермир утверждает: «В тот день, когда национал-социалистское правительство придет к власти, Германия осуществит нечто более значительное, чем союз с Австрией; она вовлечет в свою орбиту не только 3 миллиона немцев, проживающих в Чехословакии, 3 миллиона венгров, чехословаков и румын, но еще и саму венгерскую нацию». Ротермир предсказывает образование «компактной массы более чем в 100 миллионов человек в центре Европы» и заканчивает словами: «Таким образом, из-за слепоты союзных держав несчастья, вызванные войной, дадут Германии основу для такой мощной политической комбинации, какую она не могла бы надеяться осуществить, если бы она вышла из войны победительницей».

* * *

Однако Бриан и Тардые успокаивают французское общественное мнение, которое весьма болезненно реагирует на происшедшие события. В правых кругах говорят: «Ведь мы же это предвидели! Все уступки, сделанные Германии, были напрасны». В кругах левых партий переживают все чувства, свойственные раздосадованному влюбленному. А Эдуард Эррио на съезде радикалов в Гренобле мрачно пророчествует: «Попробуйте приоткрыть дверь к пересмотру договора, и поток воздуха тотчас распахнет ее настежь».

* * *

В Бурбонском дворце усиливаются нападки на политику Бриана. Бриан еще выходит победителем из парламентских боев, но он уже слабеет. И вот последний удар, каким добивают, чтобы прекратить страдания! Его наносит Бриану австрийский канцлер.

Уже в течение многих месяцев канцлер Шобер совместно с германским канцлером Брюнингом ведут в чрезвычайно секретной обстановке переговоры о таинственном экономическом соглашении.

Брюнинг решил нанести поражение Бриану с помощью его же собственной идеи европейского союза, путем «установления экономической связи между нациями», которую сам Бриан так рекомендовал! Германский министр иностранных дел Курциус прибывает в Вену,

чтобы завершить выработку проекта создания австро-германского таможенного союза, то есть проекта аншлюса.

Вот оно, великое пробуждение пангерманизма, против которого, по крайней мере внешне, выступал Штреземан.

Это катастрофа для Бриана. «Первый результат вашей блестящей политики – создание великой Германии, осуществление аншлюса!» – неистово кричат его враги.

Курциус желает, кроме того, дополнить свой проект унификацией юридических систем между обеими германскими странами, а затем осуществить культурный союз: «Таким образом, аншлюс будет осуществлен без какой-либо возможности вмешательства со стороны Европы, и мы будем иметь два места в Женеве», – говорит он, прекрасно зная при этом, что общественное мнение рейха, так же как и Австрии, резко разделилось. «Фабриканты кожи для ботинок – “за”, а фабриканты кожи для подметок “против”», – сообщает германский посол в Вене.

Со времени осенней сессии австрийский канцлер Шобер совершил все же не менее тринадцати поездок в Берлин, чтобы завершить выработку проекта австро-германского таможенного союза, который Бриан полон решимости отвергнуть, несмотря на то, что, отклоняя его как юридически несовместимый с Сен-Жерменским договором, он тем самым наносит удар по своему европейскому союзу. Не сам ли он рекомендовал начать его осуществление путем создания «экономических связей между нациями»?

Англичане предлагают, чтобы этим делом занялась Лига Наций. Для выяснения вопроса, совместим ли таможенный союз с мирными договорами, австро-германский проект передается на рассмотрение Международного суда в Гааге. Проще всего было бы заставить австрийского канцлера взять свой проект обратно, и Бриан предложил бы тогда принять более широкий французский проект, осуждающий австро-германский союз, но рекомендуемый обширный совместный план для всей европейской экономической организации.

Но само собой это дело не движется к разрешению. Приходится прибегнуть к особым средствам...

«Если вы хотите получить заем, – говорят по поручению Бриана австрийской делегации, – возьмите назад свой пресловутый проект!»

Делегаты Лиги Наций несколько скандализованы. «Однако вы же не можете применять новые международные законы только тогда, когда это вам выгодно!» – заявляют они Бриану.

Французской делегации дано указание дискредитировать Шобера, но не затрагивать Курциуса. Начальник службы печати французской делегации Андре Франсуа-Понсэ твердит повсюду: «Шобер – самый большой лжец в Европе».

А Шобер – это маленький старичок с белой остроконечной бородкой и воинственными усами, с небольшим золотым пенсне на носу, всегда одетый в слишком узкий для него сюртук моды 1900 года; каждый раз, когда он произносит очередную остроту, его круглый животик под серым жилетом трясется от смеха; он очень веселый человек и немного плутоватый, как все хорошие префекты полиции, – в течение многих лет он занимал этот пост в Вене. Вакареску говорила о нем: «Этот человек более всех осведомлен о любовных тайнах всей Европы. Никто не может сравниться с ним в искусстве незаметно овладевать этими тайнами».

Шобер взбешен направленными против него яростными нападками со стороны Франсуа-Понсэ, который создает ему скверную репутацию в международной печати.

Когда Бриан пытается оказать на него давление, чтобы побудить его взять назад свой проект, Шобер выдвигает свои условия:

«Ну, хорошо, пусть будет так, я забираю свой проект, но я хочу, чтобы во французской печати появилась очень хорошая статья обо мне!» Руководитель австрийской печати Мартин

Фукс отправляется отыскивать Жюля Зауэрвейна, журналиста из газеты «Матэн», которая больше всех нападала на Шобера, и говорит ему:

«Услуга за услугу. У меня есть для вас великолепная scoor,¹⁶ но я вам сообщу ее только при условии, если вы согласитесь сопроводить ее комментариями, которые я вам продиктую». И вот таким образом на следующий день газета «Матэн» публикует ошеломляющую новость: австрийский канцлер берет назад свой проект таможенного союза. И в статье добавляется по этому поводу: «Это доказывает, что господин Шобер – человек редкого ума, ибо именно тут он продемонстрировал свое высокое политическое чутье» и т. д.

Таким образом оказалось возможным избежать аншлюса до 1938 года...

* * *

Но по возвращении Бриана в Париж против него организуются интриги с целью добиться его отставки. Парламентариям до последней степени надоело то, что они называют «зловредными тучами Женева».

* * *

Несколько месяцев спустя, в феврале 1931 года, Пьер Лаваль становится председателем Совета министров.

Приближаются выборы президента республики.

Среди близких Бриану лиц возникают тогда великие замыслы... продвинуть его в Елисейский дворец!

Многие из его окружения заявляют:

«Его триумфальные выборы водрузили бы на французском древке флаг мира. Будучи президентом республики, Бриан получил бы право устранить от власти как неблагоприятных, так и экзальтированных, которые могут нарушить франко-германскую гармонию».

Восхваляя Бриана, все левые круги высказывают мнение, что «став президентом республики, Бриан в случае чрезвычайных обстоятельств мог бы даже составлять послания, которые имели бы широчайший отклик во всем мире».

Что касается правых партий, тут полная неожиданность. Они открыто побуждают Бриана выставить свою кандидатуру на выборах 13 мая. Но потихоньку каждый уже говорит о том, что это только ловушка, с помощью которой они надеются отделаться от него.

На самом же деле только прогрессирующей болезнью объясняется неожиданное решение выставить свою кандидатуру на пост президента республики, принятое в конце первой недели мая 1931 года Брианом, который всегда приходил в ужас от условий жизни, выпадающих во Франции на долю главы государства.

«Стать президентом республики! Для меня это неприемлемо с точки зрения гуманизма, и, кроме того, я хочу продолжать свою линию внешней политики», – всегда повторял он.

Действительно, Бриан желает сохранить все свои силы для достижения успеха в создании европейской федерации, во франко-германском сближении и в Лиге Наций.

¹⁶ Сенсационная новость, опубликованная в газете до ее появления в других газетах.

* * *

Итак, до последней минуты Бриан был полон решимости не выдвигать своей кандидатуры. Но все его окружение, за исключением Алексиса Леже, все больше и больше склоняет его к этому.

Накануне выборов я была в квартире Аристида Бриана, которую он занимал теперь на третьем этаже на Кэ д'Орсэ, когда к нему пришел сенатор Поль Думер.

«Если вы не выступите в качестве кандидата, то я выставлю свою кандидатуру!»

Бриан уверяет, что он не будет баллотироваться на выборах. Но внизу, в салонах, собралась делегация из восьмидесяти сенаторов и депутатов от левых партий во главе со старым политическим деятелем, пользующимся большим влиянием в партии радикалов, – Гастоном Томпсоном, в сопровождении председателя Пэнлеве, многочисленных депутатов-радикалов и даже представителей правых кругов. Все желают видеть Бриана.

Старый Гастон Томпсон взволнованно говорит ему, взывая к «его гражданскому долгу перед республикой». Бриан, который очень плохо чувствовал себя в тот день, упорно, но не категорически отказывается. И мало-помалу, в обстановке всеобщей путаницы эта делегация политических деятелей добивается от Бриана решения выставить свою кандидатуру.

* * *

На следующий день, 13 мая 1931 года, в день выборов, Бриан печален. Он чувствует, что скоро свершится непоправимое. Он чувствует, что попал в капкан. В последнюю минуту Пьер Лаваль, бывший тогда премьер-министром, приглашает его на завтрак.

«Я хочу сопровождать вас в Версаль», – говорит он.

На этот завтрак, устроенный в маленьком особняке Пьера Лавалья на вилле Сайд в Париже, не был приглашен Леже, который почти не покидал Бриана с того времени, как его здоровье сильно ухудшилось. На завтраке присутствовали только Тардьё и Мажино.

Весьма любопытно то, что строгий режим, который все сотрудники Бриана старались заставить его соблюдать, в этот день был нарушен. И еще более странное обстоятельство заключается в том, что Бриана заставляют чрезмерно много есть и пить, в результате чего он прибывает в Версальский дворец, чувствуя себя очень плохо физически. Как всегда, дорогу из Парижа в Версаль охраняют полицейские кордоны.

Когда транспорт двигается по городу, полицейские время от времени останавливают машины, чтобы дать пройти пешеходам. Машину с близкими сотрудниками Бриана останавливают перед выкрашенным в черный цвет магазином Рене Бриана, крупного торговца гробами в Версале. «Зловещее предзнаменование», – возникает у них мысль. Пейселон говорит: «Нам следует ожидать измены в последнюю минуту! Восемь дней назад Тардьё обещал Бриану в палате депутатов шестьдесят голосов, позавчера он гарантировал ему не более сорока. А вчера вечером он позволил ему надеяться только на десять».

И тем не менее в «Отель де резервуар», как и в «Трианон паласе», где в этот день был дан роскошный завтрак, все верили в успех Бриана.

В два часа дня ложи для публики в зале заседаний были переполнены, так как все хотели видеть, как по очереди поднимаются на трибуну шестьсот депутатов и четыреста сенаторов и, скромно опустив в урну бюллетень, спокойно возвращаются на свои места.

Все это время Бриан, ожидающий в кулуарах, окружен плотным кольцом людей.

Серьезное физическое недомогание Бриана уступает место страшному негодованию, когда после подсчета голосов ему сообщают, что в первом туре голосования Думер получил на 40 голосов больше.

Во втором туре его близкие друзья говорят ему: «Фланден, Мажино и Тардье затеяли против вас закулисную игру, хотя именно они главным образом и толкали нас на то, чтобы мы предложили вам выставить свою кандидатуру. Действуя таким образом против вас, они осуществляют двойной маневр: побудив вас выдвинуть свою кандидатуру, они надеются тем самым полностью развенчать вас в глазах общественного мнения и в особенности дискредитировать вас как министра иностранных дел».

Бриан снимает свою кандидатуру. Очень бледный, он, шатаясь, направляется тогда к маленькой комнатке, где, согласно традиции, вновь избранный должен принять поздравления своего несчастного конкурента, прежде чем предстать перед лицом Национального собрания, которое встретит его бурными аплодисментами.

Немного спустя Бриан, болезненное состояние которого еще больше ухудшилось, поддерживаемый Леже, медленно садится в машину, чтобы возвратиться в министерство иностранных дел.

Однако Бриан спокойно и с достоинством переносит свое унижение, единственной причиной которого является резко выразившийся уже в то время упадок его физических сил.

* * *

И тем не менее на следующее утро Бриан отправляется в Женеву председательствовать в комиссии Европейского союза.

В поезде он проводит часть ночи за беседой со своими сотрудниками: «Я спрашиваю вас, своевременно ли сейчас мне выйти из кабинета этого Пьера Лавалья, который меня предал и будет действовать в том же духе?»

На следующий день его застают еще в том же кресле пульмановского вагона машинально перелистывающим детективный роман.

А по прибытии на вокзал Корнавэн он заявляет при всеобщем молчании своих сотрудников:

«Я чувствую, что моя политика находится под угрозой... под большой угрозой. Ее хотят изменить! Когда речь идет о мире во всем мире и в твоей стране, никто не имеет права уклоняться от обязанностей, если только его к этому не принуждают! С тем же твердым желанием продолжать свои усилия я останусь министром иностранных дел».

По возвращении Бриана во Францию его поклонники, не имевшие возможности продемонстрировать ему свою преданность на следующий день после его поражения на президентских выборах, ожидают женеvский поезд, в котором прибывает Бриан, чтобы устроить ему триумфальную встречу.

И когда машины Бриана и его окружения двигались от Лионского вокзала до Кэ д'Орсэ, они были встречены с таким энтузиазмом, что потребовалось вмешательство полиции.

Поднимаясь по ступеням парадной лестницы Кэ д'Орсэ, очень взволнованный, Бриан произносит несколько слов. Он не сказал ничего особенного, если не считать последней фразы: «Несмотря ни на что, я не отчаиваюсь!»

Глава 9. Официальная поездка в Берлин

Халат из розовой бумазеи в коричневую полоску. – Северный вокзал, 18 июля 1931 года. – Самое трудное в путешествии – это возвращение. – Лаваль и лондонский Тауэр. – Всякое случается. – Брюнинг предпочитает автобус. – Институт любви. – Кто одержит верх: немецкие националисты или Адольф Гитлер?

Время идет...

Шестнадцатого июля 1931 года, Париж, Кэ д'Орсэ. Пятый этаж, небольшая комната Аристида Бриана.

В халате из розовой бумазеи в коричневую полоску, Бриан, усталый и сгорбленный, сидит в кресле. Перед ним стакан молока.

Рядом с ним два неразлучных друга – массивный, нарочито небрежно одетый Пейселон, директор «Журналь офисьель», и Алексис Леже в безукоризненном черном пиджаке и полосатых брюках.

Бриан еще не хочет признать себя побежденным. Разве международная обстановка, доминирующим фактором которой является экономический кризис и банкротства в Германии, не дает ему возможности снова проявить инициативу?

Алексис Леже встает. Он бегло излагает своему шефу последние события, начиная с того момента, когда в конце января Пьер Лаваль стал председателем Совета министров.

«14 апреля в Мадриде республика пришла на смену королевству. Для Алкала Самора, Асанья, Леру, Гарсия, Прието, которые в течение многих лет подготавливали это событие, пробил час победы. Король отрекся от престола.

Он покинул Испанию на борту крейсера, а королева уехала на поезде «Южный экспресс». Алкала Самора стал президентом республики».

В Берлине – инфляция, паника, возмущение, в то время как председатель Рейхсбанка и канцлер совершают турне по столицам в поисках средств для преодоления финансового кризиса...

Впрочем, как раз послезавтра канцлер Брюнинг и его министр иностранных дел Курциус прибывают на Северный вокзал...

«И наконец, – говорит в заключение Леже, – не следует забывать, что с 20 июня объявлен мораторий Гувера. Предлагая отсрочить на один год все платежи по международным государственным долгам, репарациям и займам, заключенным в порядке оказания помощи, президент Гувер поставил перед нами, французами, трудный вопрос: можем ли мы отныне платить наши долги Америке только в той мере, в какой Германия будет выплачивать нам свои долги?»

Леже еще не кончил. Держа в руках номер лондонской газеты «Таймс», он читает:

«Последние события показали, что невозможно оказать эффективную финансовую помощь Германии без сотрудничества с Францией. Таким образом, можно сказать, что в настоящее время будущее Германии находится в руках Франции».

После небольшой паузы Леже говорит: «Может быть, это и явится благоприятной почвой?»

Молчание. Затем нескончаемые дискуссии... Проходят часы. В два часа ночи Бриан восклицает: «Да, я представляю себе... Я могу возродить франко-германское сближение, поставив финансовую помощь Германии со стороны великих держав в зависимость от некоторых политических гарантий».

* * *

Суббота, 18 июля 1931 года, Северный вокзал. Прибывают канцлер Брюнинг и его министр иностранных дел Курциус. Через несколько часов прибывают министр иностранных дел Великобритании и государственный секретарь США, а затем – итальянец Гранди и бельгиец Гиманс.

Собирается густая и пестрая толпа народа.

В последнем ряду гражданин в сюртуке с академическими пальмами в петлице,¹⁷ сгорая от нетерпения, привстает на цыпочки, стараясь что-нибудь разглядеть. Проезжает официальный кортеж. Толкотня... Приветственные крики.

Человек с академическими пальмами в петлице, который ничего не видит, доверчиво кричит: «Да здравствует Лаваль!» К нему приближается стоявший рядом со мной какой-то фанатик, вероятно, глуховатый, которому почудилось, по близкому созвучию слов, что гражданин вместо «Лаваль» крикнул «Германия»:¹⁸ «Как вам не стыдно кричать “Да здравствует Германия?”» И подкрепляя свой упрек мощным ударом кулака по голове человека, которому он задал вопрос, фанатик надвинул ему котелок на самые уши. Возникает сумятица и драка. <...>

Отныне в Париже имеются два направления в политике франко-германского сближения: направление Бриана, который считает, что сближение – это всего лишь «звено» во всеобщем согласии, где Франция сохраняет все свои союзы, и направление Пьера Лавалья, который полагает, что Франция должна подчинить все свои союзы и всю международную политику союзу с Германией. По мнению последнего, организация Европы должна осуществляться под руководством этого союза и должна быть решительно направлена против Британской империи. Правые партии Франции положительно относятся к концепции Лавалья. Левые партии одобряют концепцию Бриана.

В воскресенье вечером, 19 июля, закончились переговоры между канцлером Брюнингом, Курциусом, Лавалем и Брианом. Делегации направляются в Лондон, где предложение, сделанное Францией Германии, должно быть принято другими странами.

Теперь Пьер Лаваль присваивает себе главную роль. Бриан молча сидит в своем кресле, в то время как Лаваль излагает представителям печати «французский проект, предоставляющий Германии большие финансовые выгоды» при предварительном условии принятия гарантий и в особенности политических обязательств.

* * *

Поездка в Лондон обещает быть трудной, так как другие страны, принимающие участие в конференции, в основном придерживаются того мнения, что Франция должна пойти на всевозможные односторонние уступки Германии.

* * *

На следующее утро на пути в Лондон Бриан сидит на палубе парохода в глубоко надвинутой на глаза шляпе, закутанный в крылатку, которая делает его спину округлой.

¹⁷ Знак отличия во Франции за заслуги в области литературы, науки и искусства.

¹⁸ По-французски произношение фамилии Лаваль (Laval) очень созвучно с произношением слова Германия (L'Allemagne), особенно в сочетании с другими словами, как, например, в данном тексте – «Да здравствует Лаваль! Да здравствует Германия!» («Vive Laval! Vive L'Allemagne!»).

Морской воздух его немного оживляет.

– Эмиль, вы приготовите мне чистый воротничок к прибытию на вокзал Виктория?

– Мягкий, господин министр?

– Нет, полужесткий, как сама обстановка!

В самом деле, переговоры Лаваль – Брюнинг – Макдональд представляются ему поистине трудными. И он печален.

Чтобы ободрить его, Бертелло, который всегда говорит смешные вещи с самым серьезным видом, обращается к нему:

– Один философ говорил мне, что самое трудное в путешествии – это отправиться в путь.

Бриан с горечью откликается:

– Ну а мне один философ говорил, что самое трудное в путешествии – это благополучное прибытие. <...>

На пароходе Лаваль, который едет в Англию первый раз в своей жизни, не отходит от канцлера Брюнинга. В тот же вечер Лаваль приглашает журналистов в отель «Карлтон». Он говорит только о канцлере и о «точках соприкосновения» между Францией и Германией. «Я почувствовал сегодня, насколько Франция и Германия дополняют друг друга», – заявляет он с пафосом. И ни слова об Англии.

Англичане не заблуждаются относительно глубоких и совершенно новых тенденций, которых придерживается глава французского правительства. Лондонская печать изображает его в неприглядном виде: «Это человек, не умеющий следить за собой, не обладающий хорошими манерами и крайне невежественный». Накануне Лаваль, принимая журналистов, спросил внезапно: «У меня два часа свободного времени, я никогда не был в Лондоне, что я могу сделать за это время?» – «Пойдите посмотрите Тауэр», – ответил один из них. И Пьер Лаваль задал вопрос: «Какую башню?».¹⁹

* * *

В течение двух летних месяцев продолжает усиливаться финансовая катастрофа в Германии, чему тайно способствуют правящие круги. Фраза «Я выиграю битву за отмену репараций» стала лозунгом канцлера Брюнинга. Вот почему в Лиге Наций царит уныние, когда в сентябре 1931 года, в последний раз в своей жизни, там появляется Бриан.

Теперь только благодаря сверхчеловеческим усилиям всегда озабоченный развитием европейской федерации Бриан, почти не покидающий свою маленькую комнатку в «Отель де Берг», дает консультации и советы главам делегаций.

Однако кажется, что Лига Наций живет только потому, что он ее вдохновляет.

Один американский наблюдатель замечает:

– Когда Бриан закрывает глаза, Лига Наций спит. Когда он их вновь открывает, она живет. Но увы, он их закрывает все чаще и чаще. У нас больше нет доверия к вашему континенту.

¹⁹ Речь идет об известном замке Тауэр в Лондоне (англ. tower – башня), расположенном на левом берегу Темзы. Время его основания неизвестно, но уже в XII веке он был резиденцией короля Стефана Блуасского. С XVI века Тауэр служил политической тюрьмой, где содержались некоторые коронованные и другие знатные узники, часто там умерщвлявшиеся (например, Генрих VI Ланкастер, Эдуард V, Томас Мор). С 1820 года Тауэр превращен в арсенал, в котором собрана богатая коллекция средневекового оружия и орудий пытки. Кладовые Тауэра служат местом хранения королевских регалий.

* * *

Дело в том, что в Женеве провалилось все – и европейский союз, и экономическая конференция, и финансовые конференции, и коллективная безопасность. Тем не менее на горизонте появилась еще одна надежда: канцлер Брюнинг только что пригласил Лаваль и Бриана приехать в Берлин в конце сентября. Не появится ли тогда возможность возродить франко-германское сближение?

Двадцать пятого сентября в «Северном экспрессе» Лаваль, Лушер и Бриан отправляются в Берлин. На протяжении всего пути по французской территории Бриана приветствуют железнодорожники. Он стоит у окна вагона, и на каждой станции дети преподносят ему цветы.

Первая остановка на германской территории – в Ахене. Через каждые два метра расставлены солдаты. Наступает ночь, когда поезд медленно трогается; Бриан откидывается на спинку дивана своего купе и постукивает сигаретой по тыльной стороне ладони. Погрузившись в свои мысли, он издает глубокий вздох, в котором как бы сливаются его опыт, усталость и, быть может, еще тень надежды. «Всякое случается», – шепчет он.

На следующее утро, когда поезд приближается к предместьям Берлина, солнце заливает своими лучами вагон, а Бриан продолжает сидеть все на том же месте. Он отказался лечь спать и всю ночь размышлял, не смыкая глаз.

Его старый слуга Эмиль говорит ему: «Вы неразумны, это говорю вам я, ваш Эмиль! И я говорю вам также, что надо потребовать у папаши Курциуса, чтобы соблюдался ваш режим сегодня утром, а у папаши Брюнинга – сегодня вечером. Ведь немецкая пища не может принести пользы никому из Кошреля».

В общем, еще вчера немецкая печать была настроена крайне враждебно. Часть немецких газет советовала французам сидеть у себя дома. Другая часть обещала их освистать и ошарашить. Некоторые, кроме того, утверждали, что именно Франция является главным виновником несчастий Германии.

Потсдамский вокзал. Прибытие а-ля Потемкин! Программа тщательно разработана заранее. Кордоны полицейских сдерживают и без того послушную толпу, из которой раздаются негромкие выкрики: «Да здравствует Бриан!.. Да здравствует Лаваль!.. Да здравствует мир во всем мире!.. Да здравствует франко-германское сближение!»

Лаваль и Бриан – первые французские официальные лица, приехавшие с визитом в Берлин после 1878 года.

Приветственные возгласы возобновляются, когда Бриан появляется на балконе отеля «Адлон» вместе с Франсуа-Понсэ, недавно назначенным послом в Берлин.

«Франсуа-Понсэ – один из самых красивых мужчин Франции», – с восхищением пишет о нем немецкая пресса.

Перед посольством – многолюдная толпа. Два человека достают из большой картонной коробки искусственные анютины глазки и прикрепляют их маленькими кнопками к открыткам с изображением Аристиды Бриана. Они с воодушевлением объясняют толпе, что во Франции анютины глазки считаются цветами мира. И они быстро распродают весь свой товар! Я подхожу к ним и объясняю на немецком языке, что во Франции анютины глазки никогда не считались цветами мира. К великому моему удивлению, это французы из предместья Пуассоньер. «Что делать, мадам, эти цветы уже имелись у нас. Теперь нужно, чтобы они принесли сближение». Через несколько часов в имперской канцелярии состоялся большой вечер. Принимает глава рейхсвера генерал Шлейхер. На его чрезвычайно бледном лице выделяются огромные глаза, и он совершенно лыс.

В течение четырех лет, занимая самые различные посты, он является вдохновителем всей политики ремилитаризации Германии. Именно он является отцом пресловутого тезиса о «равноправии».

Несколько недель назад делегат подготовительной комиссии по разоружению граф Бернсторф произнес по этому поводу речь, облетевшую весь мир:

«К нам относятся несправедливо. Мы требуем равноправия. Франция сохранила весь свой военный потенциал, Великобритания – весь свой морской потенциал, в таких условиях для нас бесполезно продолжать дальше разговоры об этом. Да, господа, Германия назначает вам, следовательно, свидание в «Филипповой долине»²⁰ то есть на поле боя!»

Высокий, худощавый и изящный канцлер Брюнинг привлекает внимание всех гостей. Говорит он сдержанно и мягким голосом. Он похож на умудренного опытом служителя культа. Впрочем, он принадлежит к третьему сословию и ведет очень скромный образ жизни.

«Каждый месяц я возвращаю германскому государству, – говорит он, – часть своего жалованья, так как я его полностью не расходую. Я никогда не пользуюсь автомашинами и езжу на автобусе».

Брюнинг желает сближения с Францией и Англией, но не за счет какого бы то ни было рода серьезных уступок со стороны Германии.

На следующий день перед французским посольством на Паризер-плац в течение всего вечера стояла большая толпа и, требуя выхода Бриана и Лавала на балкон, скандировала: «Никогда не бывать войне!»

Бриан несколько озадачен. «По-видимому, эти люди поняли меня», – говорит он своим сотрудникам.

Но то, чего добиваются наши министры, не отвечает чаяниям масс, и политическая обстановка меняется.

* * *

Немецкие правящие круги непримиримы. Они требуют займа, который вернул бы в кассы рейхбанка миллиард марок, потерянный за несколько месяцев. (Инициатор аншлюса доктор Риттер предлагает заключить франко-германский таможенный союз.) Но берлинские руководители не желают идти на взаимные политические уступки. Сильно обескураженный, Бриан замечает: «Не приходится больше даже сетовать на канцлера Брюнинга за то, что не удалось добиться уступок от его сотрудников. Всех сейчас действительно захлестнула эта финансово-экономическая катастрофа, которую прежде они лишь разыгрывали перед нами».

Параллельно с этим в Германии происходит падение нравов.

В Тиргартене, позади Паризер-плац, находится роскошный отель с перистилем из беломраморных дорических колонн, над которыми красуется надпись огромными золотыми буквами: *Amor et Dolori sacrum*.²¹

Это Институт любви.

Здесь ежедневно читает лекции профессор Магнус Гиршфельд, маленький человечек в белой блузе. С наисерьезнейшим видом он утверждает, что если мировая политика не была совершенно прямолинейной со времен Адама и Евы, то это объясняется только сексуаль-

²⁰ Долина около города Филиппы в Македонии, где в 42 году до н. э., после смерти Цезаря, произошла битва последних защитников республики, возглавлявшихся Брутом и Кассием, с Антонием и Октавианом. Сражение окончилось поражением республиканцев и смертью Брута и Кассия.

²¹ Посвящено любви и скорби (лат.).

ными аномалиями. И он заявляет: «Если бы каждое существо абсолютно и полностью принадлежало только к своему собственному полу, Германия не была бы разбита и развращенность человечества не достигла бы такой степени развития, какой она характеризуется в настоящее время» и т. д. А материалы и документы, распространяемые среди многочисленных слушателей института, носят весьма своеобразный характер!

Ночные кабачки ломаются от посетителей.

В разных частях города в темных улочках национал-социалисты открывают свои «дежурные пункты», чистенькие, хорошо освещенные, украшенные красными флагами со свастикой и портретами Гитлера. Вот входит туда некий молодой человек, который весь день провел в бесплодных поисках работы. Его приглашают за большой стол поужинать. Ему дают коричневую рубашку. Молодые люди вокруг него, кажется, полны надежд.

Почти на всех улицах Берлина слышатся стрельба и крики, свидетельствующие о том, что между коммунистами и сторонниками Адольфа Гитлера, число которых все возрастает, происходят вооруженные столкновения.

* * *

Результаты поездки французских руководителей в Берлин крайне незначительны!

Была лишь создана комиссия для изучения форм сотрудничества между обеими странами. И это все! (Впрочем, и эта комиссия собиралась всего только один раз.) На следующий год, 23 июля, на заседании в Лондоне американцы, итальянцы, англичане, бельгийцы и японцы, которые далеко не всегда были согласны с политикой давления на Берлин, отклонят французский проект...

На обратном пути, в поезде, Лушер говорит:

– Режим Веймарской республики не сможет удержаться, но какая из двух партий возьмет верх? Немецкие националисты или Адольф Гитлер?

Что касается Бриана, то он стал скептически относиться к возможности сотрудничества с Германией. Он заключает меланхолически:

– Да, я думаю, что любезность, проявленная по отношению ко мне, была только показной!

Глава 10. Смерть Аристиды Бриана и конец разоружения

История одного колебания. – Полковник де ля Рок итурмует трибуну в вале Трокадеро. – Старый кожаный портфель Бриана. – Юмор Литвинова. – Андре Тардые и международная армия. – Последний визит в Кошрель. – Дом № 52 на авеню Клебер. – Андре Тардые и «Панч»²². – «Германию не соблазняют, ей навязывают свою волю».

Четырнадцатое октября 1931 года. Кэ д'Орсэ. Салон мира.

Стол Совета Лиги Наций, покрытый, как всегда, голубой скатертью, поставлен в Салоне мира. подача электричества прекращена. Приходится довольствоваться подручными средствами освещения – мерцающие свечи и коптящие лампы мрачным светом озаряют лица министров.

Ослабевший, страдающий одышкой, Бриан настроен патетически.

Японские армии после нападения 8 сентября 1931 года подразделений лейтенанта Кавамото на мукденские казармы двинулись на завоевание Маньчжурии, которое подготавливалось в течение длительного времени. Снова разгорается война.

Впервые Лига Наций поставлена перед лицом возложенной на нее ответственности.

В первый раз крупное государство – член Лиги Наций в нарушение подписанного им самим международного закона совершает открытое нападение на другое, также являющееся членом Лиги Наций крупное государство, которое требует от нее всей поддержки, предусмотренной ее Уставом.

Что делать? Генеральный секретарь Лиги Наций сэра Эрик Драммонд и весь его аппарат обеспокоены, но они ограничиваются тем, что отвечают: «Нам необходимо прибегнуть к правилам процедуры. Мы можем лишь принять решение о посылке на место комиссии Лиги Наций, с тем чтобы выяснить, происходит ли там что-либо иное, кроме «обычного бандитизма», передача этого дела в Лигу Наций, по-видимому, не является правильным шагом со стороны китайцев».

Скучное заседание.

Общественное мнение остается полностью безучастным.

– При каких условиях Макдональд пойдет на снижение курса фунта стерлингов? – шушукаются в зале. – Какие это вызовет международные последствия?!

Что касается французов, то их интересуют только выборы:

– Действительно ли в случае, когда кандидат-радикал не будет уверен в своем переизбрании, будет дана инструкция, согласно которой он должен будет всеми средствами обеспечить победу республике, социальному прогрессу и миру и т. д.

Географическая отдаленность дальневосточного конфликта мешает французам представить себе его подлинное, реальное значение.

Форин Офис не решается открыто занять антияпонскую позицию.

В Вашингтоне лучше понимают грозящую опасность, но этим и ограничиваются.

А жизнь идет своим чередом...

В Берлине второму кабинету Брюнинга с 8 октября угрожает серьезная опасность в рейхстаге.

²² «Punch» («Петрушка») – известный английский сатирический журнал.

Престарелый президент Гинденбург, который надеялся передать власть германским националистам, обеспокоен.

Против 107 депутатов-нацистов после выборов 1930 года немецкие националисты имеют в рейхстаге всего лишь 41 депутата.

Партия национал-социалистов развивает по всей стране чрезвычайно активную деятельность. В демонстрациях и парадах принимают теперь участие более чем по 70–80 тысяч человек, а большие красные стяги со свастикой почти повсюду реют в небе Германии.

* * *

На Кэ д'Орсэ Бриан больше не хозяин.

Власть Пьера Лавалья простирается там на все отделы.

Лаваль считает, что настал момент поднять материальные силы Франции. Но так как он не намерен забывать и о моральных силах, он оставляет Бриана на его посту.

Однако он не желает, чтобы сохранение моральных сил происходило хоть в какой-то степени за счет материальных сил.

Бриан, снискав глубокое уважение пацифистов всех стран, постепенно превращается в апостола и «поборника мира». Он мечтает отправиться на конференцию по разоружению с серьезными предложениями.

Это намерение приводит его к конфликту с военным министром Мажино.

И ежедневно Бриан и Мажино, представляющие две противоположные тенденции, нападают друг на друга в газетах, которые, соответственно, следуют указаниям Кэ д'Орсэ или улицы Сен-Доминик.²³

– Прекрасная женеvская эпоха со всеми ее принципами ушла в далекое прошлое, – цинично говорит Андре Тардьё и добавляет: – Мирное урегулирование разногласий, неделимость мира, международная солидарность! Ах, ах! Все эти слова, которым вы некогда придавали такое мистическое значение, в течение всего нескольких месяцев оказались лишены всякого содержания!

И действительно, никто еще не верит в возможность войны, за исключением небольшого числа представителей интеллигенции, среди которых – Уэллс и Барбюс. Но большинство не верит уже и в мир, созданный в таинственном горниле Женевы.

²³ Название улицы, на которой находится военное министерство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.